

МАРИНА ТУРЕЦКАЯ

Турецкая

ПУТЬ К СЕБЕ

КНИГА О МАМЕ

МАРИНА ТУРЕЦКАЯ

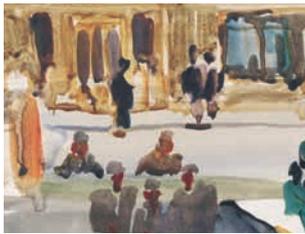
Турецкая

ПУТЬ К СЕБЕ

КНИГА О МАМЕ

Москва
БОСЛЕН

ЭСКИЗ КОСТЮМА
к драме А. Островского
«Бесприданница»
52x37, акварель. 1930 г.

ПУТЬ К СЕБЕ

После художника остаются его работы. С точки зрения искусства они не нуждаются в пояснениях. Почему я все-таки взялась за этот текст, текст о матери? Потому что время, стремительно уходя в прошлое, мало что оставляет в настоящем. А Вера Андреевна Орехова, мастер подлинный и самостоятельный, сама по себе является шедевром своего времени, много о нем, этом времени, говорящим. И если мне хоть в малой доле удастся рассказать о ней, значит, этот текст будет следом эпохи, ее и моей. Хотя искусство вечно, художник конечен, и, умирая, он остается со своими ровесниками, друзьями и врагами, а нам оставляет только частичку себя — свое искусство. Жаль! Как много недосказано. Теперь у меня к ней масса вопросов. Спрашивайте своих близких вовремя.

Ее судьба — это судьба женщины-художника в России, выпавшая своим самым плодотворным периодом на годы войны и послевоенного лихолетья, растившей ребенка без мужа, а зачастую и без работы. К тому же ее творческое кредо: художник творит реальность сам, по законам живописи — расходилось с политикой го-

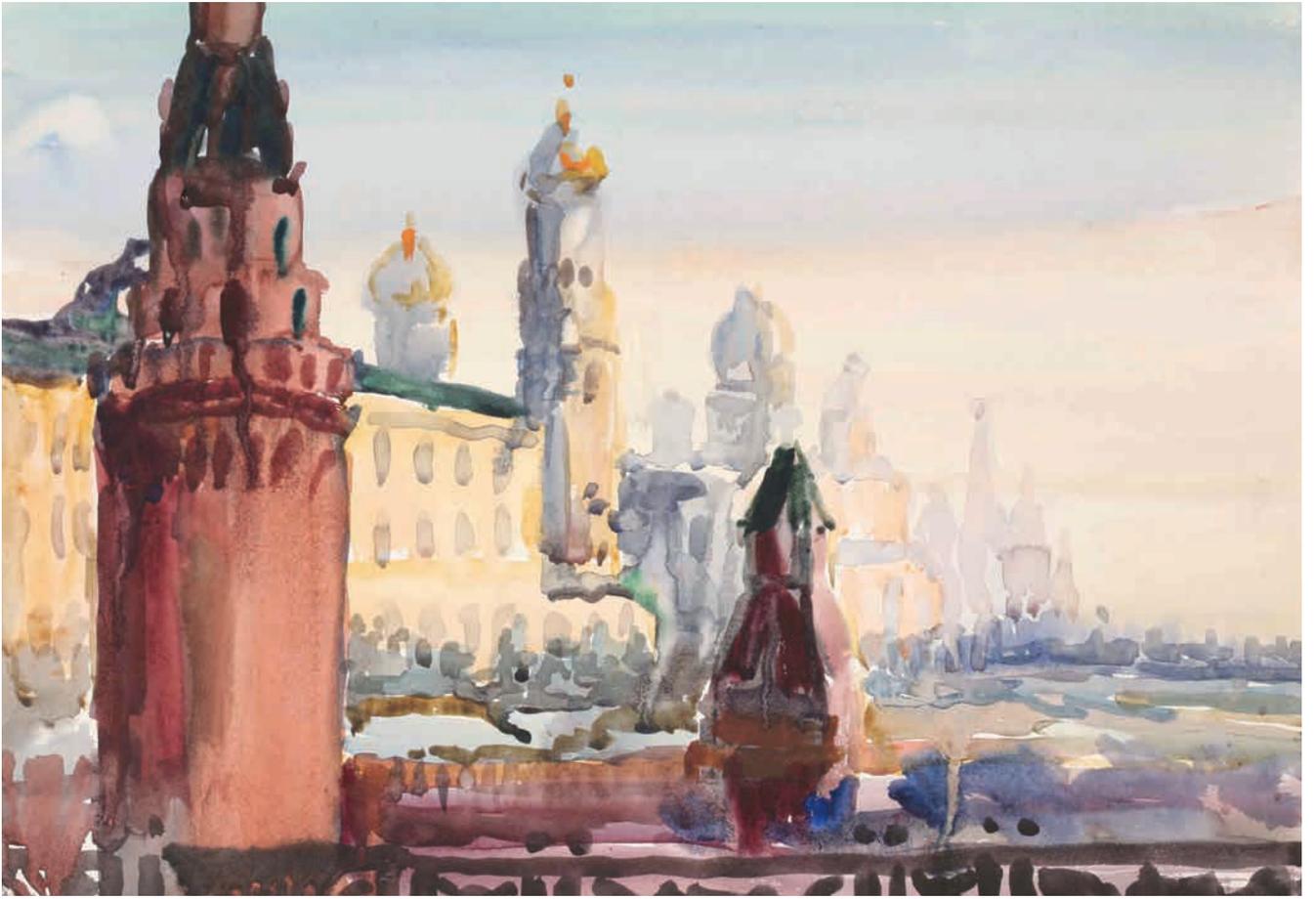
ПАМЯТНИК МИНИНУ И ПОЖАРСКОМУ
26x37,5, акварель. 1978 г.

сударства в области искусства. Эта маленькая хрупкая женщина невысокого роста вмещала в себе столько жизненной силы, что прожила сто лет только потому, что этого захотела. Ее судьба — это судьба ее страны, и по-другому быть не может.

О семье

Легендарная Одесса — красивейший портовый город. Говор многоязыкой толпы сливается с шумом прибоя, криком чаек. Город поэтов, художников, музыкантов и бандитов. Сюда и приехал мой дед — Андрей Ксенофонович Орехов, по происхождению из семьи муромских иконописцев, выпускник Казанского университета, который он окончил с отличием и знанием шести иностранных языков. В Одессе он встретил красавицу-гречанку с косами до колен — Марию Васильевну Панайоти, отец которой был коммерсант из Афин, а мать — итальянка. В 1905 году они поженились. Первая дочь Елена родилась в 1906 году. Вторая, моя мама, Вера, — в 1907 году. Потом родились еще два брата — Жорж и Владимир. В семье работал один дед, бабушка растила детей. В годы маминого детства семья много переезжала из-за работы деда: Одесса, Петербург, Москва. В Москве семья и осела в 1918 году. Была еще парижская часть бабушкиной семьи — две сестры и брат, которые в 1920 году уехали во Францию. Мамина тетушка Вера, ее крестная, была светской красавицей. Еще в Москве у нее образовалось интересное собрание живописи, которое она продолжала расширять в Париже. Она дружила с И.К. Коровиным, С.И. Мамонтовым и другими. Искусство всегда жило в этой семье.

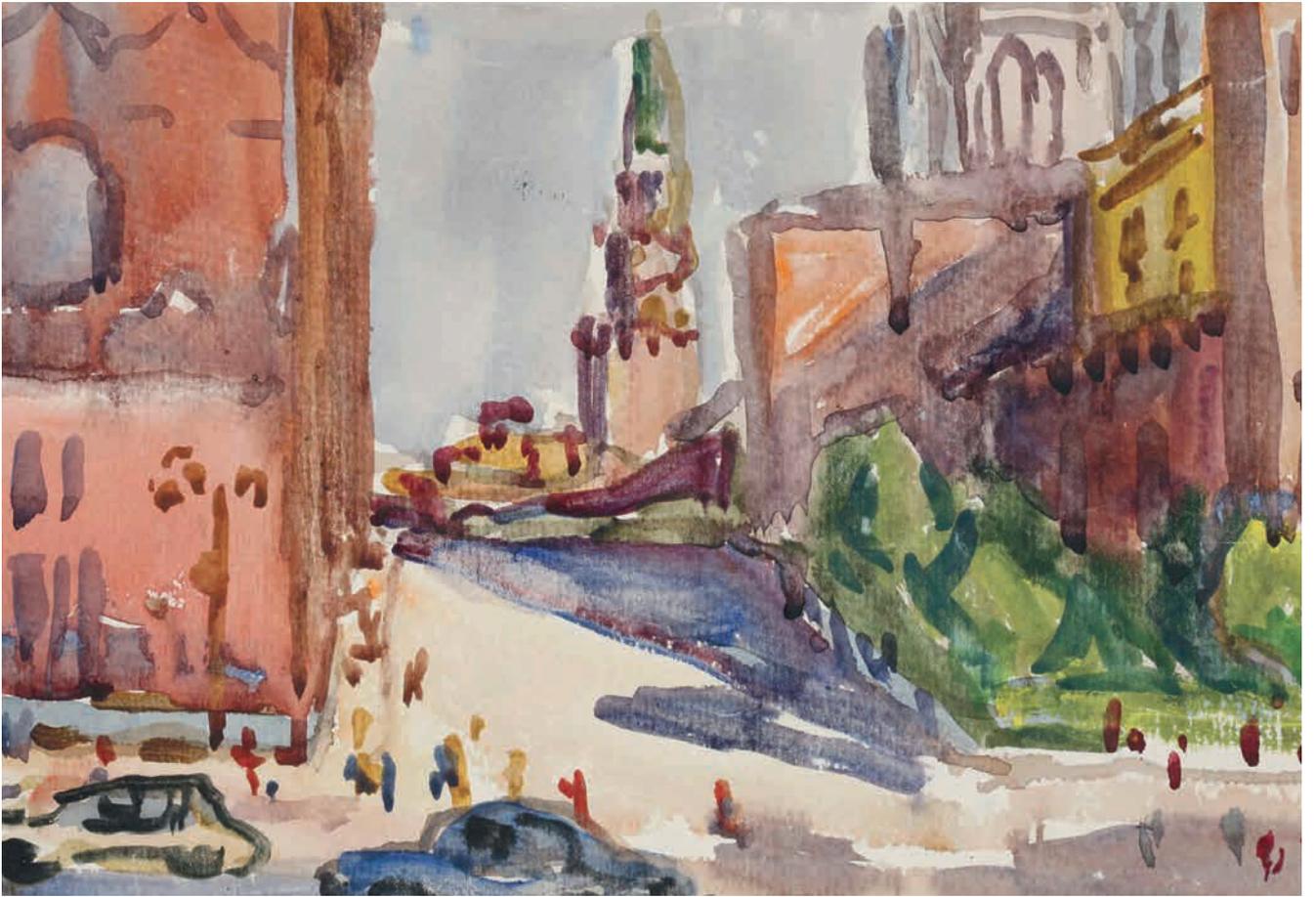

МОСКОВСКИЙ КРЕМЛЬ
26x37,5, акварель. 1978 г.

НА МОСКОВСКОМ БУЛЬВАРЕ
28x33,5, акварель. 1972 г.

ВХОД НА КРАСНУЮ ПЛОЩАДЬ
17x25, акварель. 1978 г.

Характер

Вера Андреевна была цельным человеком: если любила, то любила по-настоящему, но к тем, кого она не принимала, она была непреклонна и избегала общения с ними. И целиком принадлежала тем, кого любила. Преданность, сильные чувства, переживания — это то, что важно для художника: не быть поверхностным, легковесным. В работе, да и во всем, главным для нее было добиться результата, реализации замысла, отсюда — варианты проработки одного и того же сюжета. Всегда ее сопровождало недовольство собой, требовательность к себе, особенно когда задуманное не получалось.

Учеба, друзья, учителя

Первые школьные годы прошли в петроградской гимназии. После переезда в Москву все дети поступили в гимназию на Знаменке. В своей автобиографии Вера Андреевна пишет: «В Москве в школе я проучилась до 1924 года, затем поступила в техникум кустарной промышленности, где преподавали живопись Аполлинарий Васнецов и Дмитрий Щербиновский. Летом 1925 года рисовала гипс в студии художника Леблана. Осенью 1926 года поступила во ВХУТЕМАС на театральное отделение живописного факультета». Той же осенью мама вместе с гимназической подругой Э.Г. Урусовой сдавала экзамены в школу-студию Художественного театра. Маму приняли, но она не захотела посвятить себя целиком театру. ВХУТЕМАС стал главным и единственным. Дружба с Эддой Урусовой продолжалась всю жизнь. В числе школьных друзей мамы были Елена Семашко, дочь вра-

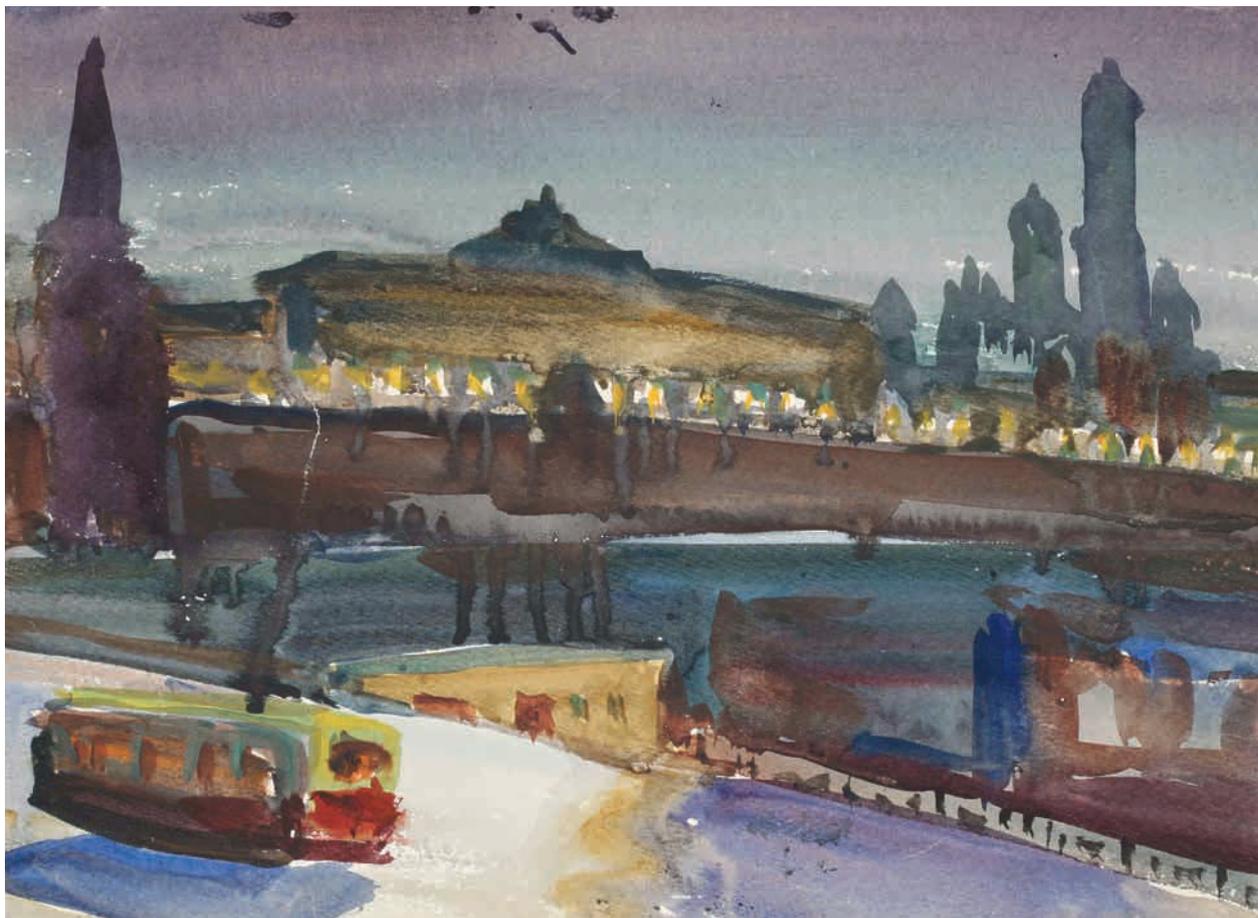

РАУШСКАЯ НАБЕРЕЖНАЯ
15x23, акварель. 1976 г.

У КИНОТЕАТРА «НОВОРОССИЙСК»
12x27, акварель. 1978 г.

НОЧНАЯ МОСКВА
25x34, акварель. 1979 г.

МОСКОВСКИЙ ПЕЙЗАЖ
24,5x36, акварель. 1979 г.

ча, Андрей Некрасов, автор известной книги о приключениях капитана Врунгеля. Вера Андреевна имела друзей немного, но это были настоящие друзья.

Главное — знать, что к чему привешивается, — говорил мамин школьный товарищ Гура Толстых. Как все устроено: жизнь, любое дело? Главное — знать, что к чему привешивается, и все получится: достаток, успех, слава, если угодно. В искусстве кто-то совершает акт творения, открывает новые направления, мучается, преодолевает рутину, непонимание. А кто-то пользуется открытыми путями, привешивает бантик, и вот оно — собственное неповторимое лицо. До меня ослы не летали? Теперь будут летать! Так живет вечная ткань культуры, состоящая из многих повторений, вариаций, но подлинное движение ей дают вспышки озарения одиночек. Эх, не умеешь ты правильно жить, Маришка, опять не знаешь, что к чему привешивается, — слышу мамин голос. Что же делать? Я не Гура, не сподобилась... А интересно, что все-таки с ним стало? Помогла ему простая житейская истина?

Во ВХУТЕМАСе (Высших художественно-технических мастерских), в 1926 году реорганизованных во ВХУТЕИН (Высший художественно-технический институт), она приобрела основы профессии, встретив замечательных педагогов, к которым она всегда относилась с неизменным пиететом. Петр Кончаловский вел живопись со второго курса, сменив С. Герасимова и М. Родионова; И. Рабинович — театральное искусство, Н.И. Нисс-Гольдман — скульптуру, В.Г. Сахновский — историю театра и режиссуру. И тогда же появились новые друзья: А. Рублёва, А. Зеленский, В. Горяев, В. Деопик, Г. Нисский и другие. Практика была в Художественном театре в 1928–1930 годах. В институте Вера Орехова всегда была душой компании «золотой молодежи», да

СОБОР ВАСИЛИЯ БЛАЖЕННОГО
33x45, акварель. 1979–1982 гг.

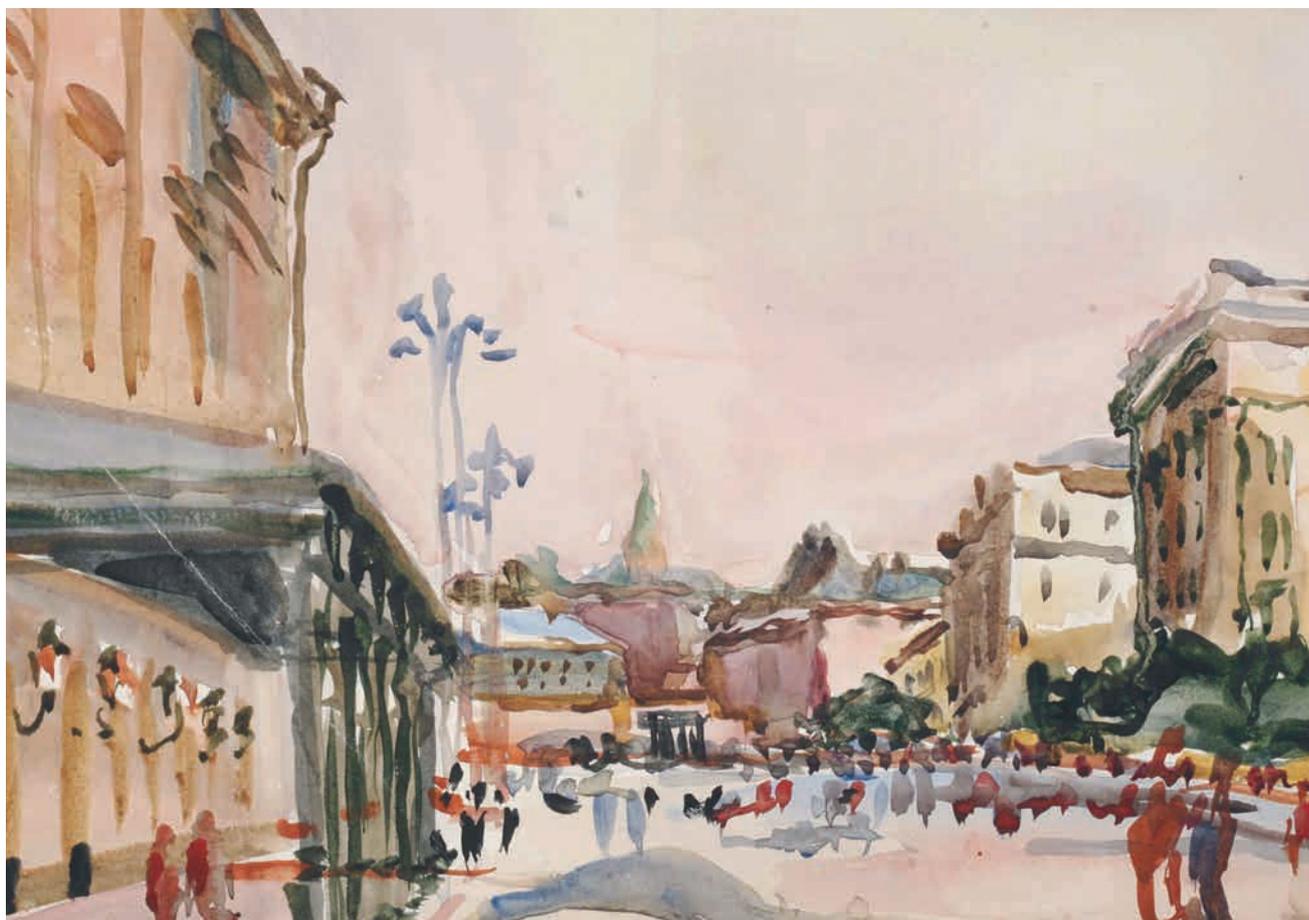
ВЕЧЕРОМ У БОЛЬШОГО ТЕАТРА
26x38, акварель. 1977 г.

еще из интеллигентной семьи, за что ее и отчислили из института. Но вскоре вернули стараниями педагогов: уж очень талантлива и неординарна, по их мнению, была студентка.

После окончания ВХУТЕМАСа Орехову пригласили работать в Художественный театр, но в тридцатые годы искусство шагнуло за картинную плоскость и выплеснулось на улицы. Лучше всего это проявлялось в уличных театрализованных массовых действиях, парадах, шествиях, праздниках, карнавалах. Всем этим занималось проектное бюро при Парке культуры им. Горького, куда пошли работать выпускники ее курса, и она с ними. Туда же она привела работать Валерьяна Турецкого, который в новогоднюю ночь 1931 года стал ее мужем. В том же году Вера Андреевна вступила в творческий союз АХР (Ассоциация художников России). В 1932 году, с момента основания, она вступила в МОССХ — Московский Союз советских художников, в декоративную секцию, а в 1956 году перевелась в секцию графики. После Парка культуры она продолжала работать по договорам. В 1934 году родилась дочь Марина. В 1937 году Вера Андреевна поступила в штат на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку и проработала там до ее открытия в 1939 году. Летние пленэры каждый выбирал по-своему: Валерьян Турецкий писал Жигули на Волге, а Вера Андреевна предпочитала Крым. С лета того же года она с дочерью и няней Фросей проводила три месяца в Крыму, в Немколони (ныне Уютное).

В конце 30-х годов известный художник и педагог Лев Александрович Бруни организовал летний пленэр для молодых художников в Судаче. В этой группе была и моя мама. Нас, детей, бросали на нянек, а они писали целыми днями. Крымский прозрачный воздух, трудный для понимания и передачи цвета, развивает чувство

У БОЛЬШОГО ТЕАТРА
24,5x34,5, акварель. 1989 г.

колорита и способствует самовыражению художника. Л.А. Бруни, тонкий колорист, заставил художников полюбить эту прозрачность, эти бесконечные цветовые нюансы. Вера Андреевна «заболела» Крымом, в ее творческом наследии больше половины — крымские пейзажи.

Война и после

Война застала нас в Крыму. Мы срочно вернулись в Москву. Отец приехал с Волги. Начались бомбежки. Мама, Фрося и я провели несколько ночей в метро. Отец в это время оставался на Масловке, чтобы тушить зажигательные бомбы. Через две недели отец решил отвезти нас на дачу, в Быково, где казалось спокойнее. Было начало августа. Хорошо, что отец не сумел вечером вернуться в Москву: это было в первый раз, когда немецкие самолеты не пустили в Москву и они начали сбрасывать бомбы в Подмосковье. В ту ночь на моих глазах отец потушил тринадцать зажигалок на нашем участке, а фугаска на нашей просеке, к счастью, не взорвалась. Утром мы все вернулись в Москву. Через несколько дней отец провожал маму, Фросю и меня в Ташкент. Город встретил нас сурово: мама попадает в больницу, Фрося безнадежно ищет работу. Помню, как у вернувшейся из больницы мамы я просила «корочку хлеба», а она отвечала: «Потерпи, дочурка». Фрося, окончив курсы водителей, начала работать на грузовике и иногда привозила немного еды: теперь она жила под Ташкентом. Наше жилье находилось в глубине большого двора. Помню, как однажды через двор идет «дядя Саша» Тышлер, знакомый художник, тоже эвакуированный, и несет на ладони вытянутой руки большой красный помидор: «Верочка, это я для Маришки достал!» Трудные времена стали легче:

ЛУБЯНСКАЯ ПЛОЩАДЬ
21,5x30,5, акварель. 1978 г.

СТАДИОН «ДИНАМО»
25x35, акварель. 1979 г.

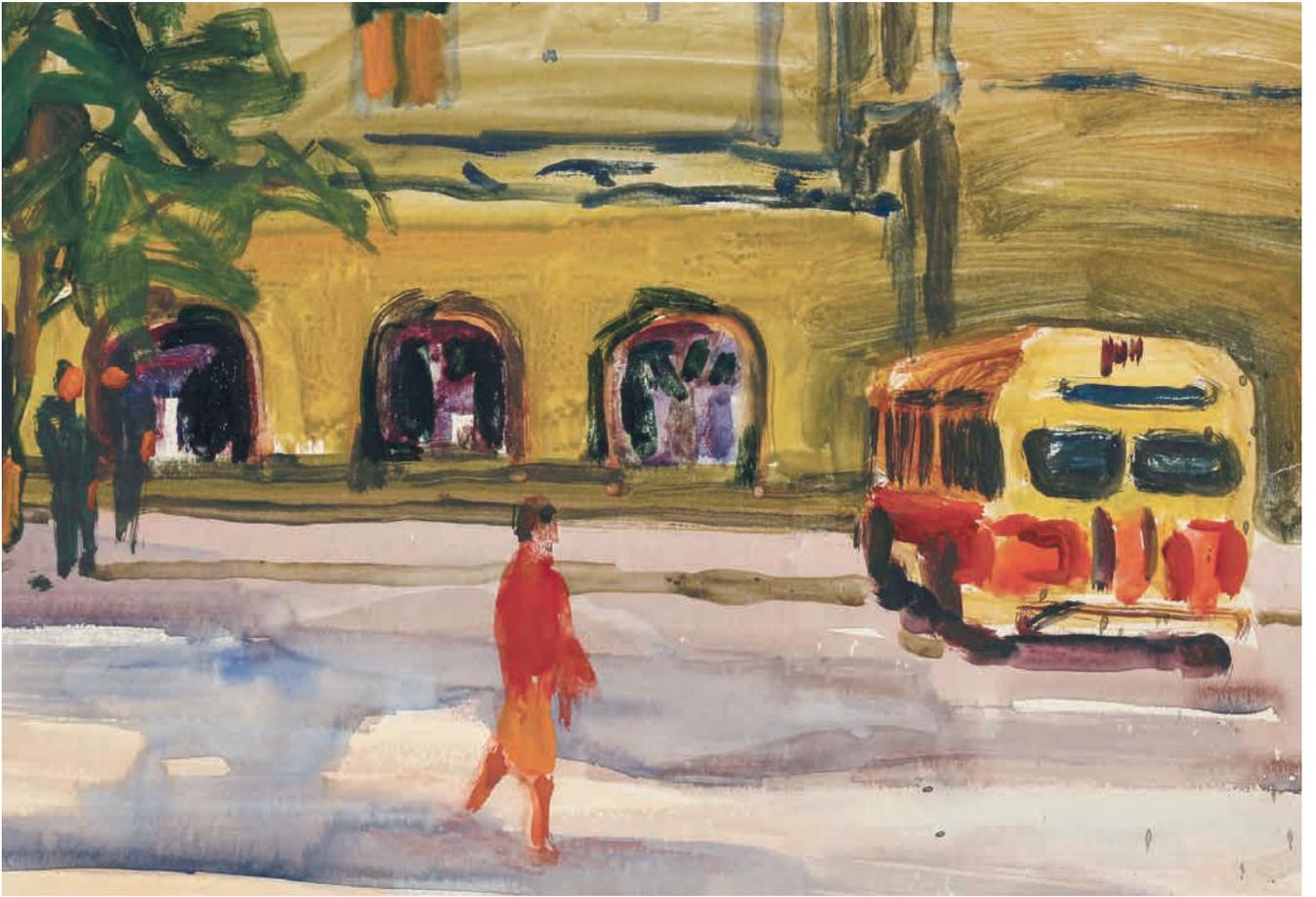
У ОКРУЖНОГО МОСТА
25x24, акварель. 1979 г.

Союз художников прикрепил эвакуированных к столовой, где раз в сутки нас кормили обедом. Мы больше не голодали. Потом мама устроилась на работу в Театр оперы и балета им. Алишера Навои. Ей легко давались театральные задники. Как зачарованная, я смотрела на ее работу в театре, где она, лихо орудуя двухметровой кистью, совершенно безошибочно клала цвет на полотнища размером шестьсот квадратных метров. Еще со времен оформления парадов она любила крупные масштабы, а писать ей пришлось маленькие картинки.

Пришла похоронка: отца убили 13 апреля 1942 года. Вера Андреевна начала рваться в Москву. В конце 1943 года нам удалось вернуться домой. Но дома не было: в квартире живет генерал, мастерская отца занята, картины и вещи разграблены. Приютили друзья по ВХУТЕМАСу — А. Рублёва и А. Зеленский, мы прожили у них три месяца, потом нам дали комнату в 15-м доме, там же, на Масловке. Несколько раз нас переселяли в разные комнаты в общих квартирах, и только в 1964 году мы получили однокомнатную квартиру в башне №5 на той же Масловке. В Москве холодно, голодно, работы нет. Вера Андреевна начала шить одежду для детей и жен художников. И так продолжалось до конца войны.

В 1946 году она по договору выполнила проект юбилейной выставки для Авиационного института. Премировали путевкой в Крым. Она взяла бумагу, акварель, но мало что получилось: слишком большая внутренняя опустошенность, к тому же сказался долгий перерыв. В марте–июне 1947 года по заказу худфонда Союза художников Вера Андреевна восстанавливала интерьеры Дома творчества им. Константина Коровина в Гурзуфе. Он, уезжая в Париж, завещал его русским художникам, и с той поры дом пребывал в полном запустении. После открытия Дома творчества она устроилась работать

ЭТЮД С АВТОБУСОМ
22x23, акварель. 1978 г.

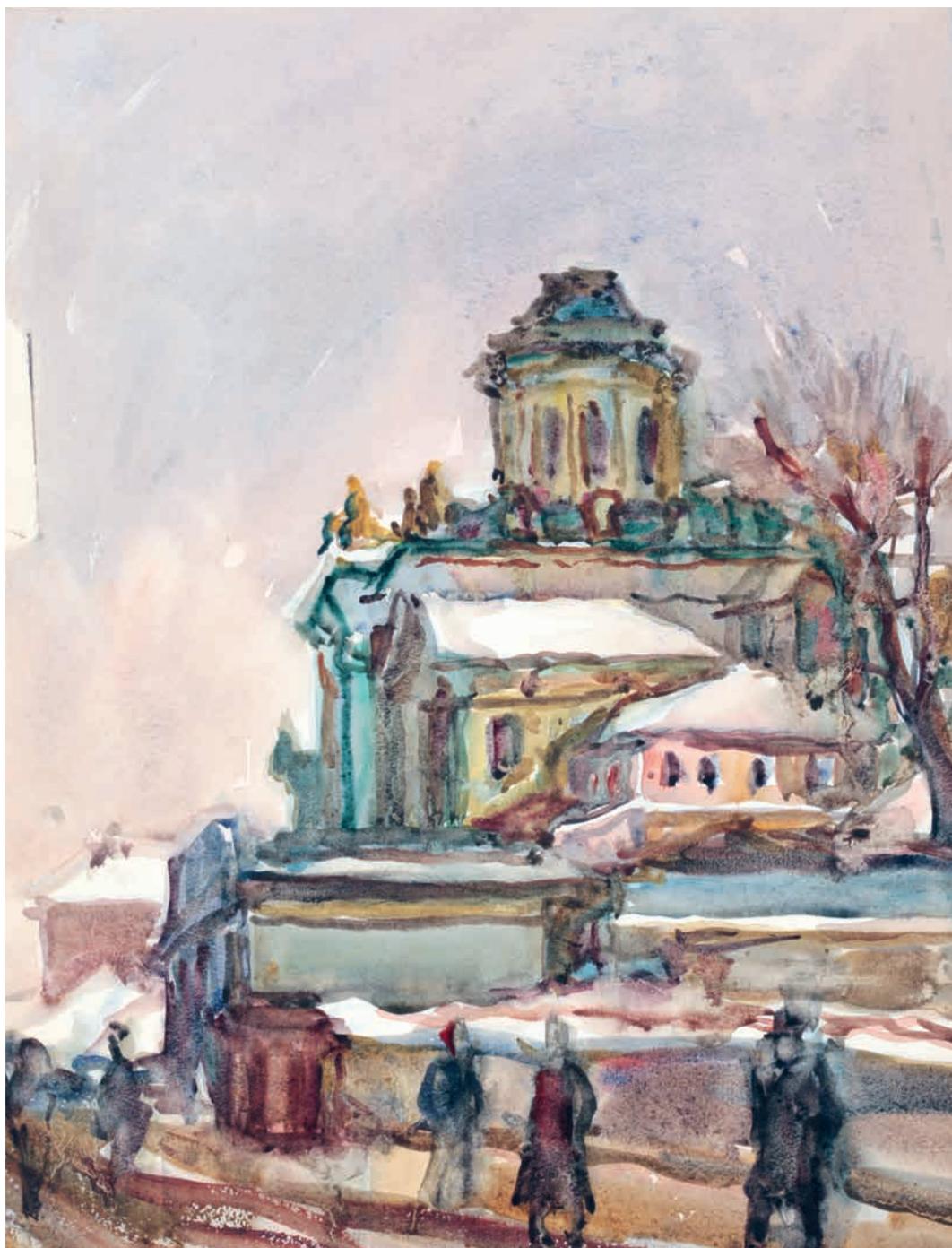
в «Артек» (Всесоюзный пионерский лагерь), занималась с ребятами рисованием, оформляла костры (праздники пионерского костра были весьма популярны, это было целое действо, а уж в «Артеке» и подавно). В сентябре я пошла в гурзуфскую школу. В конце декабря мы вернулись в Москву.

Мать и дочь

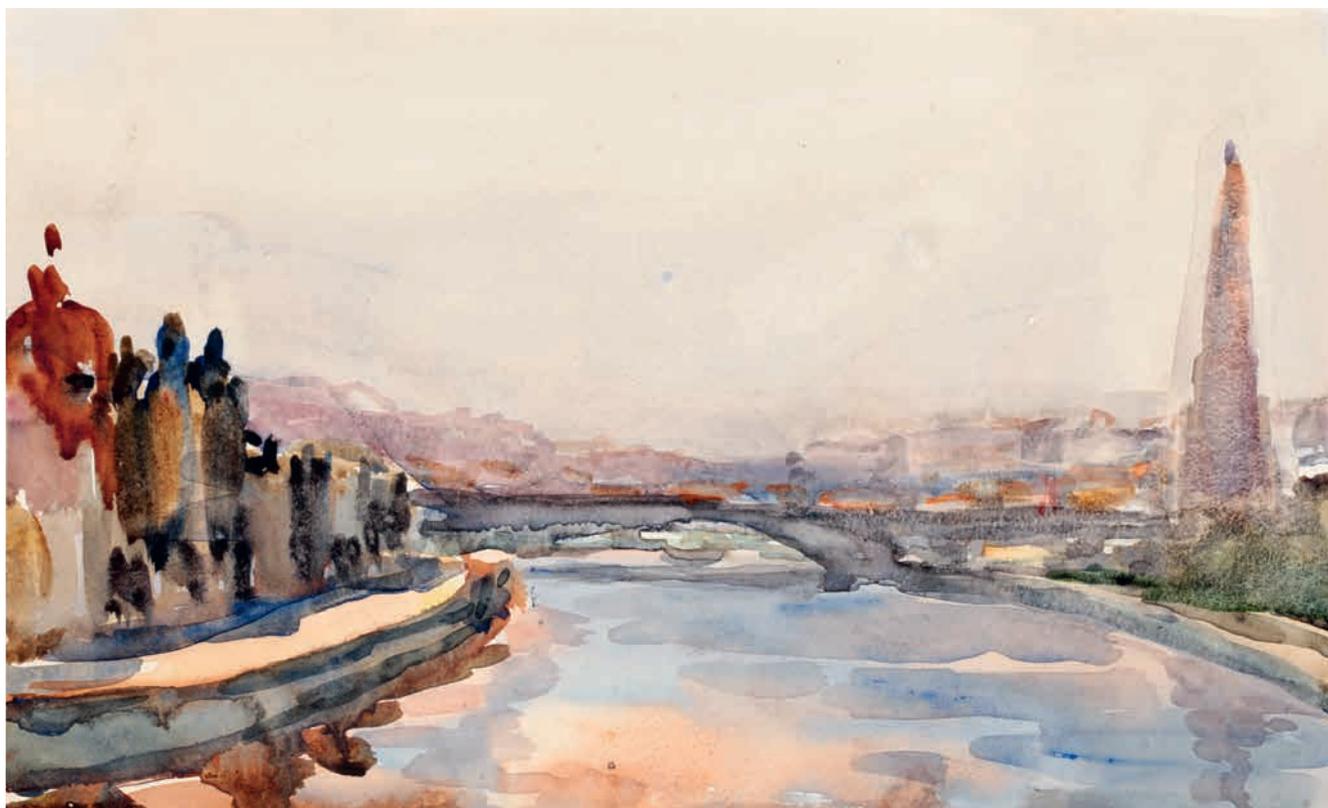
До войны главным в жизни Веры Андреевны были творчество и муж, дочь была дополнением. После войны она жила для дочери. Мама не хотела, чтобы я была художником: «Я хочу, чтобы ты могла сама себя в жизни обеспечить, надо выбирать более серьезную профессию». Но: «Если ты художник, то ты им будешь». Когда, уже став архитектором и проработав в архитектуре десять лет, я все-таки решила все бросить и заняться искусством, она не возражала, поняла, что раз так, то это серьезно. Мать была моим Учителем. Я смотрела, как в ее работах один цвет взаимодействует с другим. Почему синий с зеленым, охристый с фиолетовым у нее смотрелись как родные? — ведь это далеко не общепринятые сочетания. На меня это очень сильно действовало. У меня цвет другой. У нее он идеальный, какой-то неземной, нездешний, вызывающий очень сильное волнение, необыкновенный интерес к цвету. Ее быстрые акварели создают впечатление завершенности именно благодаря цветовому решению. К моим работам она всегда относилась достаточно скептически, но если у меня получалось, она это говорила.

Вера Андреевна никогда не была обойдена мужским вниманием (об этом я узнавала много позже), но ни один мужчина в нашем доме не появился: я была кате-

УЛИЦА РАЗИНА, ИЛИ НАЧАЛО СОЛЯНКИ
35,5x29, акварель. 1978 г.

МОСКВА-РЕКА
14x23, акварель. 1976 г.

ПЕРЕХОД ВО ГРАДЕ МОСКВЕ
23x29,5, акварель. 1994 г.

горически против, и мама приняла мой протест. Об этом детском эгоизме я сожалею до сих пор.

Несмотря на мой недолгий «уход замуж», все-таки моя семья — это мама и я.

Искусство «на коленке»

Нужно было зарабатывать деньги. Вера Андреевна устроилась работать на ВДНХ главным художником павильона «Дом Культуры». Шел 1953 год. А в 1954 году, после летней поездки в Крым, Вера Андреевна с акварелями пришла в Комбинат графического искусства. В комбинате она встретилась с внимательным и проникновенным искусствоведом О.М. Бескиным, который отобрал и поставил на совет несколько акварелей. Акварели приняли. Вера Андреевна начала работать в цеху уникальной графики.

В это время стали проводить знаменитые автобусные поездки, которые продолжались до 1989 года. Вера Андреевна организовывала их для художников, тогда они написали немало известных впоследствии работ, глядя из окна автобуса. Для многих, кто теперь говорит, что не любит Москву, могу сообщить: большие русские художники думали об этом иначе. В поездках участвовали В. Вакидин, А. Кокорин, Кукрыниксы, Т. Покровская и многие, многие другие. Первое время Вера Андреевна была старостой. Когда поездки стали пользоваться популярностью, старостой выбрали кого-то другого. Она и не переживала. Тогда появились ее московские акварели. Смотришь на эти «автобусные» работы и видишь в них движение...

Дома творчества были отдушиной, позволявшей писать на пленэре. Ей дважды удалось побывать в Гур-

КРЕМЛЕВСКАЯ НАБЕРЕЖНАЯ
24х33, акварель. 1975–1980 гг.

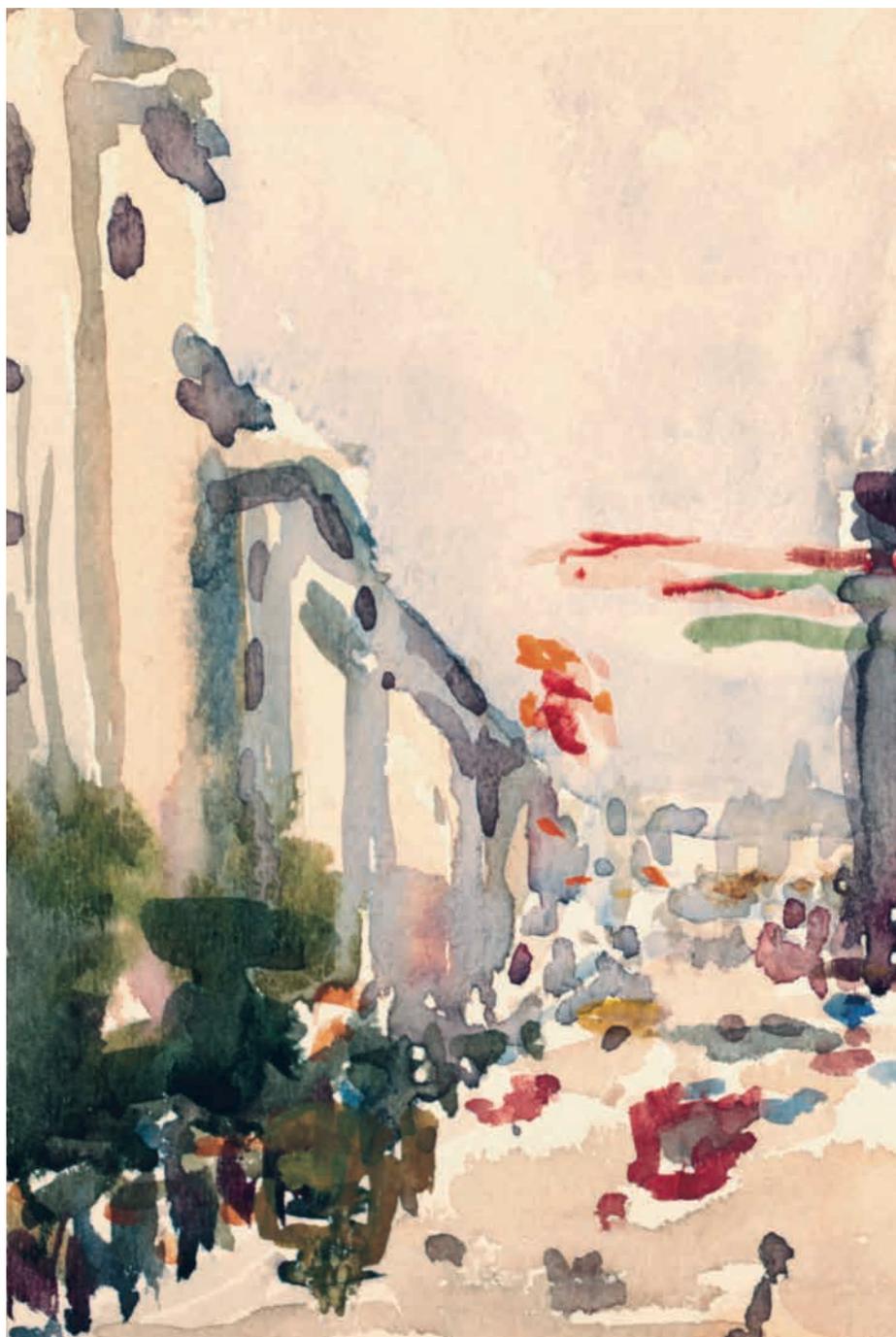
зуфе, в Тарусе, в Челюскинской, один раз в Паланге. Она никогда не «мучила бумагу»: если пейзаж не получался, лист откладывался, и мотив писался заново — отсюда особая острота чувства, пронзительность пейзажей, которые занимают в ее творчестве место не меньшее, чем натюрморты.

Одновременно она знакомилась с автолитографией и писала натюрморты. Натюрморт... Она всегда придерживалась натуры: ее цветы и фрукты пахли. Денег не было, но цветы и фрукты покупались для работы, не для еды. Привязанность Веры Андреевны к жанру натюрморта отчасти вытекала из условий работы: она всю жизнь работала «на коленке», поэтому никогда не могла развернуться в полную силу. Она пишет в своей автобиографии: «Основные годы творческой работы протекали в жилой комнате, преимущественно ночью на кухне (эскизы к эстампам)». Такие условия работы толкали к камерности. Эта вынужденная камерность преодолевалась у нее лаконичностью формы, сообщающей ей монументальность.

Ее натюрморты пользовались популярностью у покупателей. Она неслучайно делала натюрморты разных форматов: горизонтальные, вертикальные — что тогда было редкостью. Натюрмортом она решала пространство интерьеров наших утлых жилищ, считая, что в первую очередь надо украшать кухню, так как кухня была центром общения.

Эти натюрморты были выходом в другое пространство, далеко распространявшееся за пределы листа. Это была другая жизнь: неведомая, прекрасная, магическая.

ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
16,6x24, акварель. 1979 г.

У БОЛЬШОГО ТЕАТРА
18,5x31,4, акварель. 1979 г.

На теплоходе

Благодаря участию друзей, в частности В.Н. Горяева, в 1964 году Вера Андреевна попадает в туристическую поездку по Средиземному морю на теплоходе «Эстония». В СССР это была первая большая поездка после войны. Одесса, Черное море, Босфор, Европа, Азия, Гибралтар и до Тропик Рака, потом обратно. О Риме она рассказывала особенно много. Результат: альбомные зарисовки фломастером и акварели прямо с корабля. Из них потом выросли литографии «Африка», «Неаполь», «Стамбул», — все это можно сейчас увидеть. После поездки ее работы стали меняться: в них стало больше света, больше простора. В поездках ощущаешь себя частью мироздания. Натюрморт ее становится более возвышенным, потому что изменилось отношение к жизни. Поездка дала ей возможность почувствовать свою внутреннюю силу: в 57 лет она поняла, что все еще впереди.

В Союзе художников

Отношения с Союзом советских художников у Веры Андреевны всегда складывались непросто, но быть вне Союза тогда было невозможно: все люди свободных профессий были объединены государством в официальные организации. Это не вызывало у Ореховой внутреннего протеста, она считала, что, будучи русской художницей, не должна игнорировать правила, установленные своей страной. В Союзе художников она была с момента его образования, а до этого входила в АХР (Ассоциацию художников Революции), одну из профессиональных организаций, которых в то время было немало. В начале 50-х годов ее перевели из членов в кандидаты Союза художников

НОЧЬ НА МОСКВЕ-РЕКЕ
25,5x38, акварель. 1978 г.

«за формализм» — тогда власти боролись с «формализмом в искусстве». Через полтора года ее восстановили.

Десять лет она стояла в очереди на персональную выставку, и в 1986 году, наконец, она состоялась в Центральном Доме литераторов. От Союза художников она получила свою первую мастерскую (десять квадратных метров) только в 78 лет. Как вдова фронтовика, она запрашивала льготные путевки в Гурзуф для дочери. Это было непросто: она была молодая, красивая, с гордо поднятой головой, и пожилые чиновники не понимали, как это такой женщине можно что-то дать просто так?

Последние годы

Она твердо хотела дожить до ста лет. Это было ее убеждением: «Раз я хочу, значит, добьюсь». И ведь добилась, дожила и ушла на девятый день после своего столетия.

Гости бывали в доме часто. Она любила общаться с моим поколением, для нее — молодежью. Острым взглядом художника она замечала сразу то, что подчас можно было узнать и понять о человеке после многих лет общения с ним.

Буквально до последних дней (она уже лежала) просила бумагу и рисовала: фломастером, карандашом, пером, пастелью. Эти рисунки сохранились, я часто их разглядываю.

После Веры Андреевны осталось творческое наследие. Она не была, как теперь говорят, «раскрученной». На выставках всегда была представлена одной или двумя работами. На самой первой ее персональной выставке в Доме литераторов отдел закупки Третьяковки начал переговоры о приобретении ее работ. Она не за-

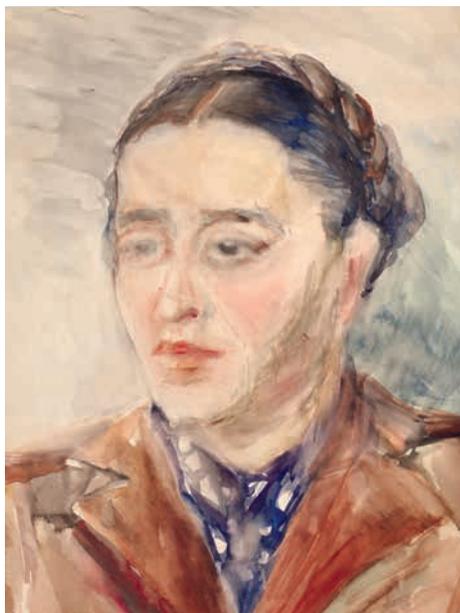

СКВЕР НА «БОЛОТЕ»
25x28, акварель. 1978 г.

хотела тогда этим заниматься: «Поздно!» В коллекциях провинциальных музеев есть ее работы, например в музеях города Тикси, города Мурома, Ярославском художественном музее, других.

В ее произведениях есть все, чтобы стать большим художественным явлением. Любая ее акварель — жемчужина. Их время придет, может быть, через пятьдесят-сто лет, а может быть, завтра. Потому что ее творчество — вне времени, оно не несет на себе отпечатка ее эпохи, ее конкретной жизни. Оптимизм ее работ — манифест жизнеутверждения. Она считала, что искусство должно приносить радость. Но сама ее жизнь мало к этому располагала, вся она — преодоление неблагоприятных внешних обстоятельств на пути к творчеству, по сути — на пути к самой себе.

Литературная запись Андрея Паутова.

ПОРТРЕТ СЕСТРЫ ЕЛЕНА
37x35, акварель. 1956 г.

ЛЮБАША
33x28, акварель. 1950 г.

ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ
37x35, акварель. 1948 г.

ПОРТРЕТ БРАТА ВОЛОДИ
33x22,5, холст, масло. 1928 г.

АЛЕНА
37x35, акварель. 1947 г.

ДЕВОЧКА С ВЕСНУШКАМИ
39x32, акварель. 1954 г.

ГРАНАТЫ НА БЕЛОЙ САЛФЕТКЕ
35,5x40, акварель. 1978 г.

Вильям Мейланд,
член Международной
ассоциации искусствоведов

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВЕРЫ ОРЕХОВОЙ

В нашей российской и бывшей советской художественной жизни было принято открывать «новые имена». Относилось это, разумеется, к молодым авторам, чье творчество знали только их учителя и близкий круг коллег и друзей. В последние десятилетия XX века открытия совершались, как ни странно, по отношению к представителям старшего поколения московских и немосковских художников.

В 1986 году в Центральном Доме литераторов прошла первая персональная выставка Веры Андреевны Ореховой, приуроченная к ее 80-летию. В небольшом эссе «Художник о художнике» Юрий Злотников пишет, что во всех произведениях Ореховой «присутствует широта взгляда на мир, в котором нет форсированной атаки на зрителя». Это точные слова профессионала, увидевшего искусство другого художника из своего времени, в котором как раз царит переизбыток «форсированных атак» и общего шума вплоть до концептуальных криков. Вера Орехова — художник иной культуры, иной этики и эстетики. Вместе с лучшими представителями ее поколения она жила по принципу «искусство во мне», а не «я в искусстве».

АЙВА И ДЫНЯ
25х42, цв. автолитография. 1965 г.

НАТЮРМОРТ С АНАНАСОМ
22х45, цв. автолитография. 1966 г.

ГРАНАТЫ И КУВШИН
36x36, цв. автолитография. 1973 г.

САМОВАР
38x45, линогравюра. 1981 г.

КУВШИН И ГРАНАТЫ
38,5x38, акварель. 1978 г.

АНАНАС И ЗЕЛЕНЬЙ ЧАЙНИК
25x37, акварель. 1989 г.

Просматривая большое количество акварелей, рисунков, автолитографий, быстрых этюдов и набросков, ловишь себя на мысли о непрерывности и цельности настоящего творчества. Это не бесконтрольный «поток сознания», а осознанное действие художника — «ни дня без строчки». Классический жанровый диапазон у Ореховой вроде бы невелик — портрет, пейзаж, натюрморт, изредка интерьер. Но к этому ряду примыкает работа в области сценографии, а также оформление праздников, физкультурных парадов, общественных интерьеров, проектирование павильонов ВСХВ, монументальные композиции спортивных праздников в «Артеке».

Своей полноценной мастерской у Ореховой не было. По словам ее дочери, она работала в маленькой кухне, а когда в 1972 году мастерская появилась, то ее размеры не превышали 10 квадратных метров. Тем не менее специалисты отмечали, что она «колорист, видящий мир крупно, монументально. В ее работах присутствует как бы разворот пространства. Это ощущается даже во фрагментарности натюрмортов, в которых предметы взяты мощно».

География пейзажей Ореховой по современным понятиям минимальна — традиционная Москва, включающая не только старый центр, но и новостройки; Подмосковье, любимая Таруса; Восточный Крым и изученный художниками вдоль и поперек Гурзуф, республики Прибалтики. Единственная счастливая возможность увидеть «другой мир» — круиз по Средиземноморью в 1964 году с посещением Италии, Греции, Турции, Туниса, Марокко. И всюду — на корабле и на берегу — она с карандашом, фломастером и кистью в руке. Похоже ли это на типичное туристическое рисование? Ответом на вопрос могут служить минималистические и в то же время абсолютно точные по цветовым отношениям

ГРАНАТЫ НА БЕЛОМ БЛЮДЕ
30x45, цв. автолитография. 1969 г.

АПЕЛЬСИНЫ
31x41, акварель. 1979 г.

этюды, где только три компонента — небо, узкая полоса берега и море, и никаких иных кудрявых достопримечательностей.

Пейзаж в творчестве Ореховой разных лет — преобладающий жанр. Она удивительно органично вживается в пространство далекое и близкое, будь то стадион «Динамо» за окном мастерской или солнечный светоносный Крым. Глядя на ее московские пейзажи, мы можем хотя бы отчасти вернуть себе исчезающий город, погрузиться в атмосферу веками складывавшегося привычного столичного быта. Акварели Ореховой прозрачны, а некоторые из них кажутся буквально надышанными. Краски свободно текут, сливаются, и мы вслед за мастером переносимся в дневную и ночную жизнь большого города, любимся кремлевскими башнями, уютными двориками и бульварами и спешим вместе с прохожими, замечая боковым зрением то Большой театр, то иную столичную достопримечательность.

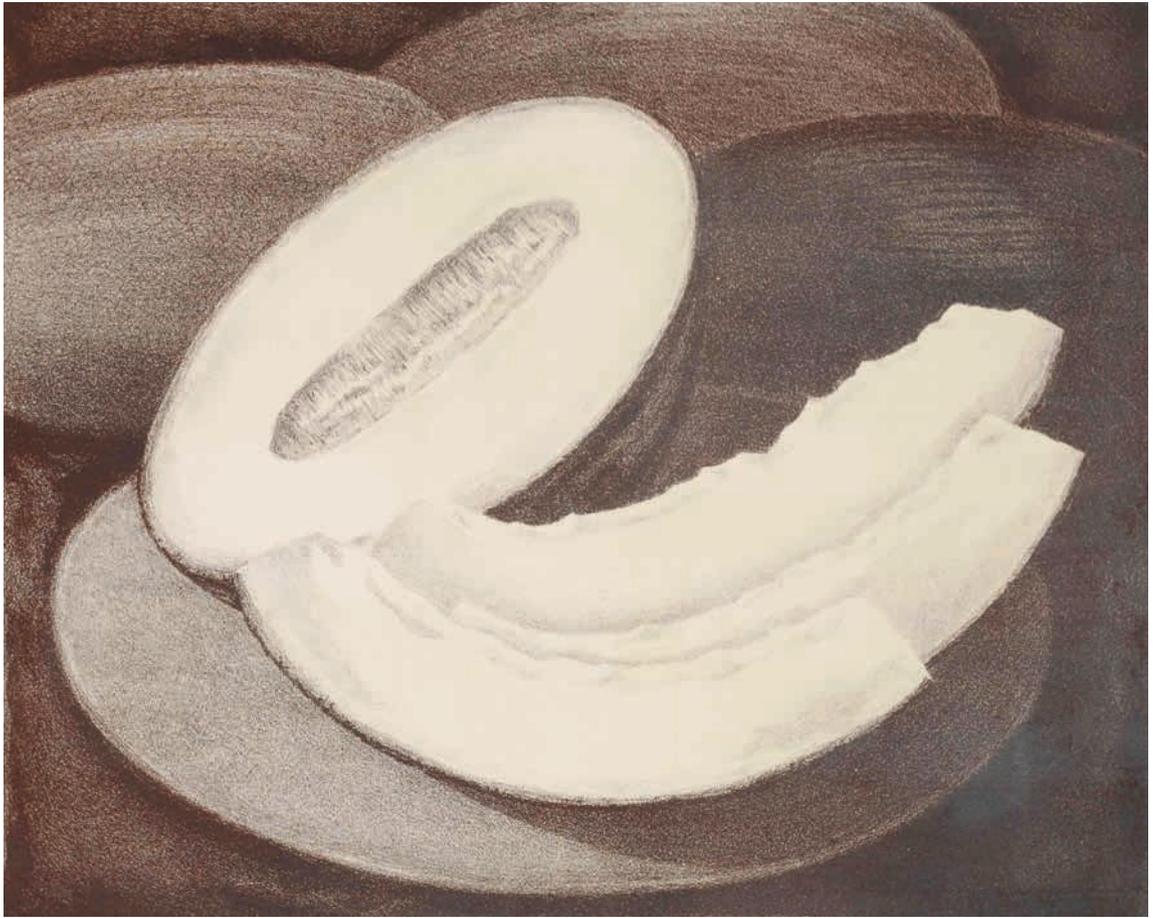
Восточный Крым и Гурзуф — это во всех работах Ореховой прежде всего праздник света. Белые домики селенья Тутлук тают на фоне светло-голубого, почти сливающегося с небом моря. Маленький акварельный шедевр дарит зрителю теплый спокойный свет и радость. Даже не хочется вдаваться в аналитические рассуждения, как это сделано. И таких живописных драгоценностей у Ореховой множество.

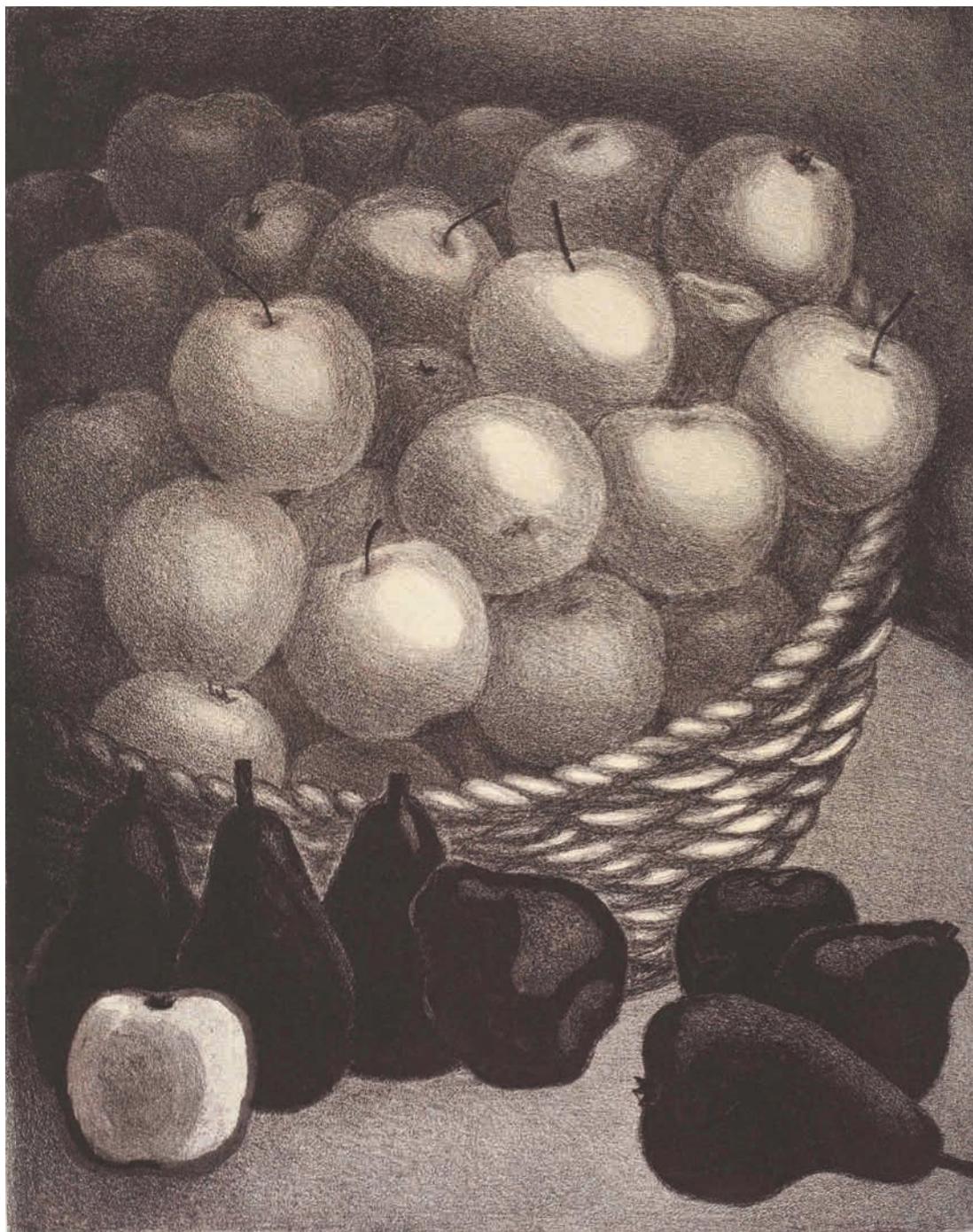
Кроме акварели и рисунка, она много работала пастелью, расширяя круг своих выразительных возможностей. Но в какой бы технике она ни работала, всюду ощущим сугубо живописный подход. Даже в черно-белых рисунках, сделанных в окрестностях Тарусы в 1970-е годы, ветви и стволы деревьев на фоне белого снега воспринимаются как пластичная, подвижная штриховая масса, свободная от жесткой и сухой графичности.

АПЕЛЬСИНЫ И АНАНАСЫ
60x48, автолитография. 1980 г.

ДЫНЯ
48x60, автолитография. 1980 г.

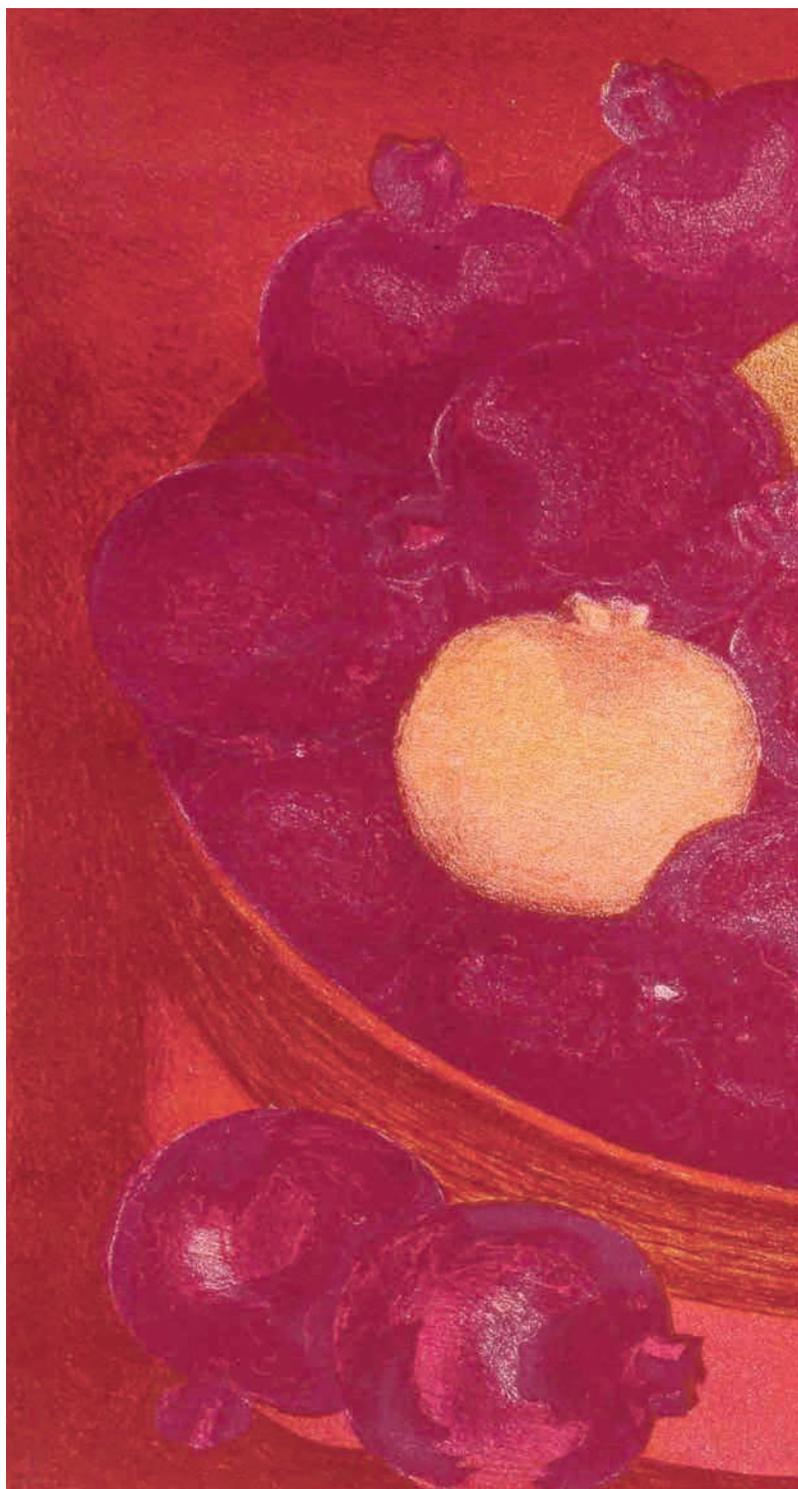
ЯБЛОКИ В КОРЗИНЕ
59,5x47,5, автолитография. 1980 г.

Портрет — один из сложнейших жанров изобразительного искусства, кроме сугубо технического мастерства художнику необходимо обладать пониманием человеческой природы портретируемого. «Женский портрет» (1948), «Любаша» (1950), «Девочка с веснушками» (1954) и сравнительно ранний «Портрет брата Володи» (1928), кстати, единственный, написанный не акварелью, а маслом на холсте, — вот за малым исключением то немногое, что сохранилось из созданного в этом жанре Ореховой в молодые и зрелые годы своего творчества. И каждый раз перед нами точный и тонкий психологический образ. Иногда романтический, как в портрете брата и в женском портрете, иногда увиденный с добрым чувством юмора — «Любаша».

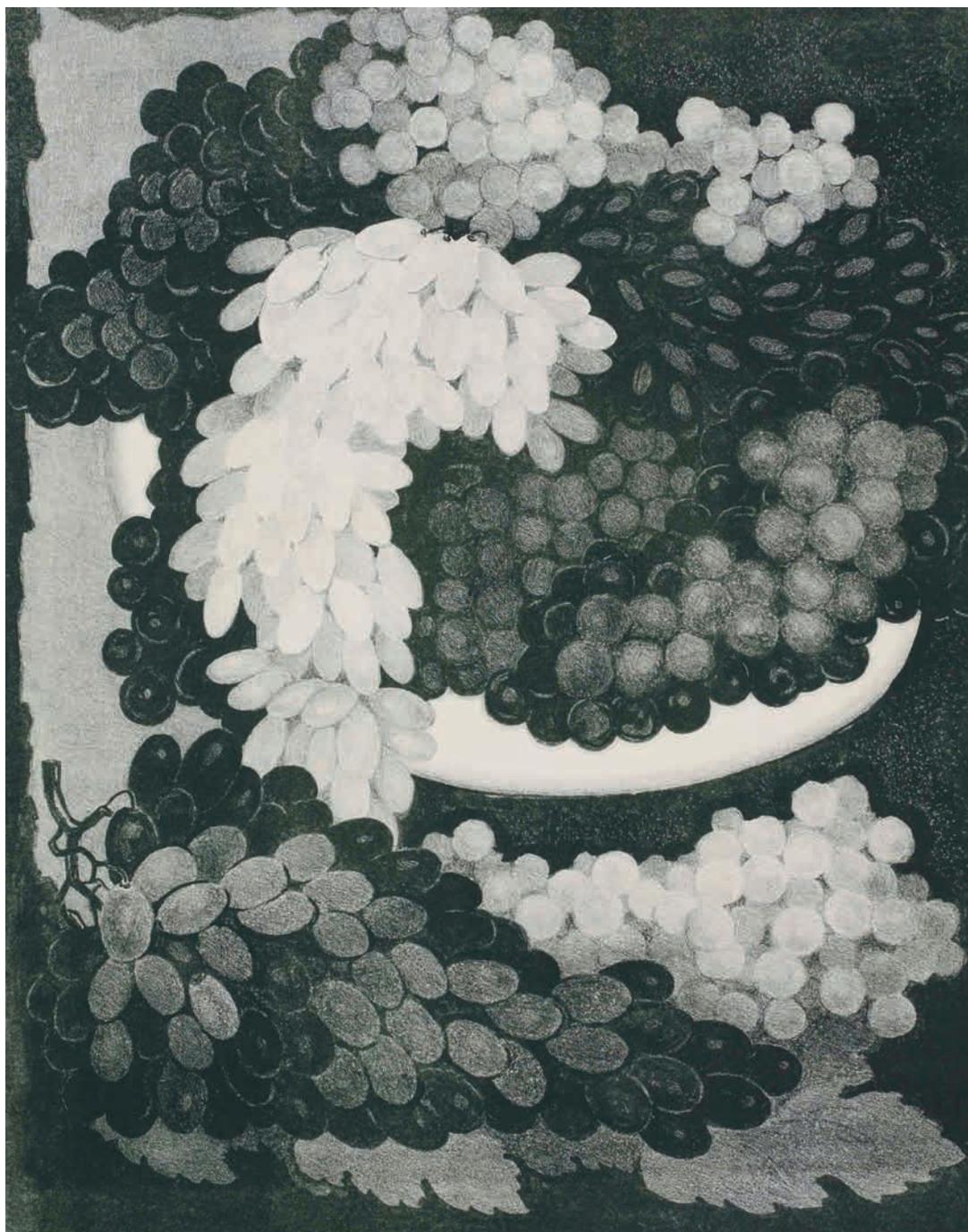
После пейзажа натюрморт — самая большая область творческих интересов Ореховой на протяжении всей ее долгой жизни. Натюрморт — давний полигон для экспериментов в изобразительном искусстве, где художник волен в выборе и размещении предметов, стиле и любых формальных упражнениях. Большинство произведений Ореховой в этом жанре можно определить как традиционные. Цветы, фрукты, посуда, а иногда и буквально «мертвая природа» (рыба, домашняя птица). Но благодаря композиционному дару и колористическому чутью все ее натюрморты отличаются прочной конструктивностью и даже монументальностью. И это несмотря на скромные, а то и миниатюрные размеры акварелей, линогравюр и автолитографий. Среди последних многие выполнены в 1980-е годы в технике одноцветной гризайли, где Орехова использует только градации светлых и темных тонов, как, например, в нарядном и изобильном натюрморте «Виноград». Но и тогда, когда красочную стихию акварели вроде бы ничего не сдерживает, Орехова остается на высоте классической живописной

ГРАНАТЫ И БАНАНЫ
48x60, цв. автолитография. 1980 г.

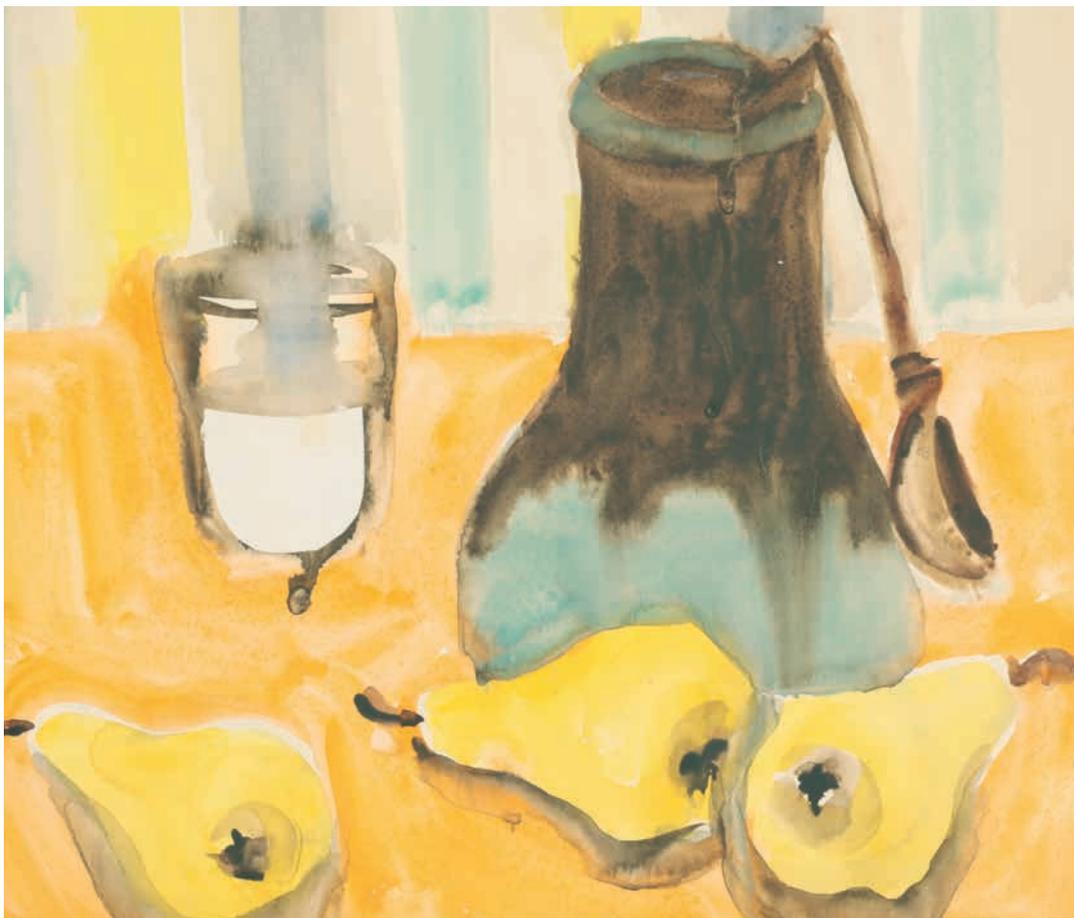
ВИНОГРАД
60x48, автолитография. 1980 г.

культуры, воспринятой ею у таких выдающихся художников-учителей и любимых мастеров, как Петр Кончаловский, Илья Машков, Константин Коровин.

Годы жизни Веры Андреевны Ореховой пришлись почти на весь XX век. Революции, войны, гибель в 1942 году мужа-художника, эвакуация, тяготы послевоенной жизни... Тем не менее она нашла в себе силы вернуться к творчеству и претворить его в радость для себя и всех, кто когда-нибудь видел ее произведения. Усилиями искусствоведов-энтузиастов, а также художников младшего поколения восстанавливается «связь времен», и те, кого считали забытыми и выпавшими из культурной жизни общества, возвращаются к нам. Дочь Веры Ореховой и Валериана Турецкого Марина выполнила свою благородную миссию, сложив воедино распавшиеся части семейного художественного наследия. Спасибо ей за это.

ФРУКТЫ И КЪЯНТИ, КОЛЛАЖ
39x52,5, акварель. 1972 г.

ГРУШИ И КУВШИН, КОЛЛАЖ
35x40, акварель. 1974 г.

АЙВА НА КРАСНОМ ФОНЕ
32x29, линогравюра. 1978 г.

Ю. Осмоловский,
искусствовед

РАДОСТЬ ТВОРЧЕСТВА

Московский весенний день. Солнце льется через стеклянную стену (иначе не назовешь это огромное окно) в маленькую, уютную мастерскую Веры Андреевны Ореховой. Художник показывает свои работы: акварели, литографии, линогравюры, и вдруг обращается ко мне с прямым вопросом:

— Стоит ли делать мою выставку?

В этом вопросе — требование ясного, неуклончивого ответа, тревога за себя и за будущего зрителя, который не должен обмануться в своих ожиданиях. Ответ на сомнения Веры Андреевны — в самих произведениях, созданных ею за последние двадцать лет и показанных на ее первой персональной выставке. Жизнь художника в том и состоит, чтобы самому ставить вопросы и по своему решать их, несмотря на все перипетии судьбы, на все сложности. А сложности и трудности сопутствовали творческой жизни В.А. Ореховой.

Одиннадцатилетней девочкой вместе с семьей она в 1918 году переезжает в Москву. И после окончания 5-й опытной школы имени М.И. Калинина, который часто приезжал в гости к учащимся, поступает в техникум кус-

МАРТЫШКА И ОЧКИ
28,5x35,5, акварель. 1977 г.

тарной промышленности. Ее первыми педагогами были А.М. Васнецов и Д.В. Щербиновский.

В 1926 году сбылась мечта В.А. Ореховой, она была принята на театральное отделение живописного факультета ВХУТЕМАСа. Уже сам перечень имен художников, у которых училась Вера Андреевна, — С.В. Герасимов, М.С. Родионов, П.П. Кончаловский, И.М. Рабинович — говорит о том, какую прочную и серьезную творческую школу она прошла.

Вспоминая о студенческих годах, В.А. Орехова рассказывает: «На второй год началась театральная работа, и в мастерскую пришел Петр Петрович Кончаловский. Запомнился он нам малоразговорчивым, вроде бы посторонним посетителем своей мастерской. Он почти никогда не брал чьей-то кисти и не вносил исправлений в ученическую работу... Этой честью, однако, как и несколькими скупыми фразами по делу, он почему-то иногда одаривал меня, а класс — недоумевал. Собственной исключительности удивлялась и я. Петр Петрович учил работать цветовыми отношениями и своеобразно выражал свой принцип словами: “Что ж вы рисуете и рисуете, а в живописи даете фузу?!”

Вел у нас уроки и Исаак Моисеевич Рабинович, но они запомнились скорее “нутром”.

Василий Григорьевич Сахновский — правая рука самого Станиславского — вел историю театра. Период практики мне запомнился постоянным общением с Владимиром Ивановичем Немировичем-Данченко в Художественном театре».

В бурные, противоречивые двадцатые годы большие мастера отчески заботились о будущей смене, передавая молодым свой огромный опыт и знания. Институт давал не только солидную профессиональную основу, но и формировал творческое самосознание вступающих в жизнь художников.

РЫБА ЩУКА
38x51, акварель. 1976 г.

ЯБЛОКИ НА ЗЕЛЕНОМ БЛЮДЕ
26,5x40,5, акварель. 1970 г.

ГРУШИ И ВИНОГРАД
35x45, линогравюра. 1975 г.

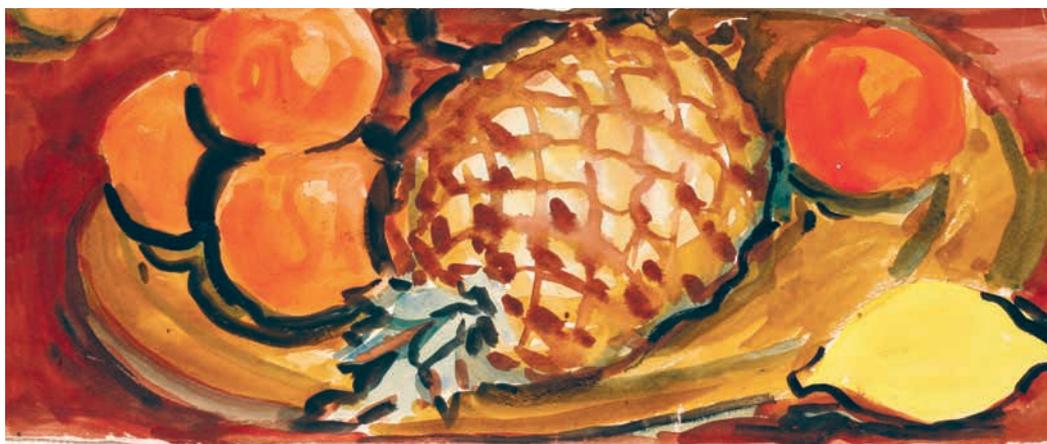
Вера Андреевна Орехова — коренной москвич, со дня основания Московской организации она становится членом Союза художников. В тридцатые годы ею выполнены разнообразные работы по оформлению демонстраций, физкультурных парадов, карнавалов, общественных интерьеров. Вместе с другими художниками она участвовала в строительстве и открытии Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, работала над декоративным убранством павильонов Таджикистана, Азербайджана, Киргизии и Узбекистана. Тогда художница еще не могла знать, что вскоре Узбекская республика станет ее вторым домом и творческая деятельность изменит свое русло...

Приведем строки из горьких воспоминаний военных лет Веры Андреевны: «Но вот война! Не прошло и года, как беда навалилась на нас, и уже не счесть погибших: “Пал смертью храбрых!” “Пал смертью храбрых...” — было сказано и в извещении, полученном мною — женой художника Валериана Турецкого. Маленькая Маринка лишилась отца. Кто-то в разговоре непременно вспомнит о нем: “молодой Левитан”... Тот, кто писал Волгу, погиб вдали от ее берегов — под Вязьмой, на подступах к Смоленску...»

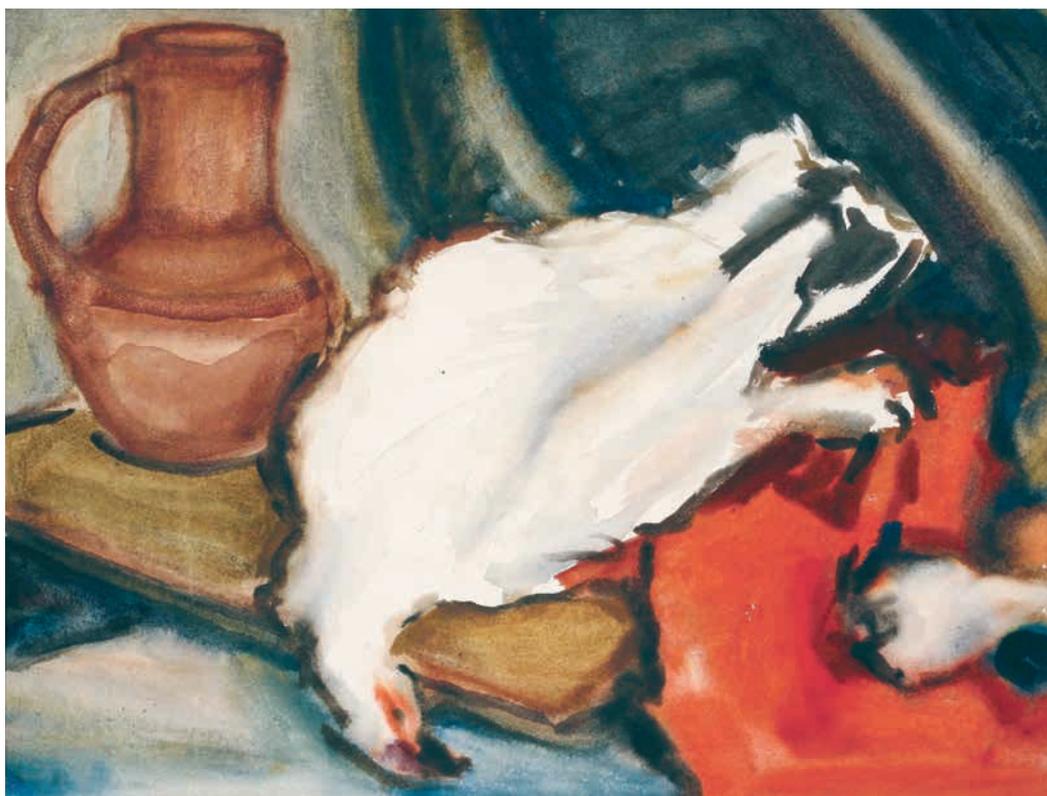
В начале войны В.А. Орехова с семилетней дочерью эвакуировалась в Ташкент и поступила в Узбекский театр оперы и балета на должность заведующего постановочной частью. Здесь она работала под руководством выдающегося театрального деятеля С.М. Михоэлса, бывшего тогда главным режиссером театра. Производственная работа, тревоги и заботы военного времени поглощали все силы, и собственное творчество было отложено до лучших времен.

«В 1943 году, в ноябре, я с дочерью вернулась в Москву, в городок художников на Масловке. Москва встретила сурово. Комната занята. Библиотека — неиз-

АПЕЛЬСИНЫ И АНАНАС
19x47,5, акварель. 1983 г.

НАТЮРМОРТ С БЕЛОЙ КУРОПАТКОЙ
34x46, акварель. 1980 г.

вестно где, живопись художника Турецкого — также. Холодно, голодно, работы нет...

Через три месяца меня поместили в десятиметровую комнату художника Сидорова, находившегося на фронте. Марина пошла в школу. Я начала шить для детей и жен художников. И так до конца войны».

В силу сложившихся жизненных обстоятельств творческая работа была прервана. Сказалось все пережитое в грозное лихолетье и отсутствие возможностей для поддержания постоянной профессиональной формы. В довоенном прошлом остались поездки в Судак, еще со студенческих лет полюбившийся за сдержанный колорит и суровость, где так свободно и плодотворно работалось на природе. Возвращение к творчеству затянулось на длительный период. Но новая поездка в 1953 году в Судак, откуда было привезено много акварелей, вселила уверенность, вновь пробудила жажду творить.

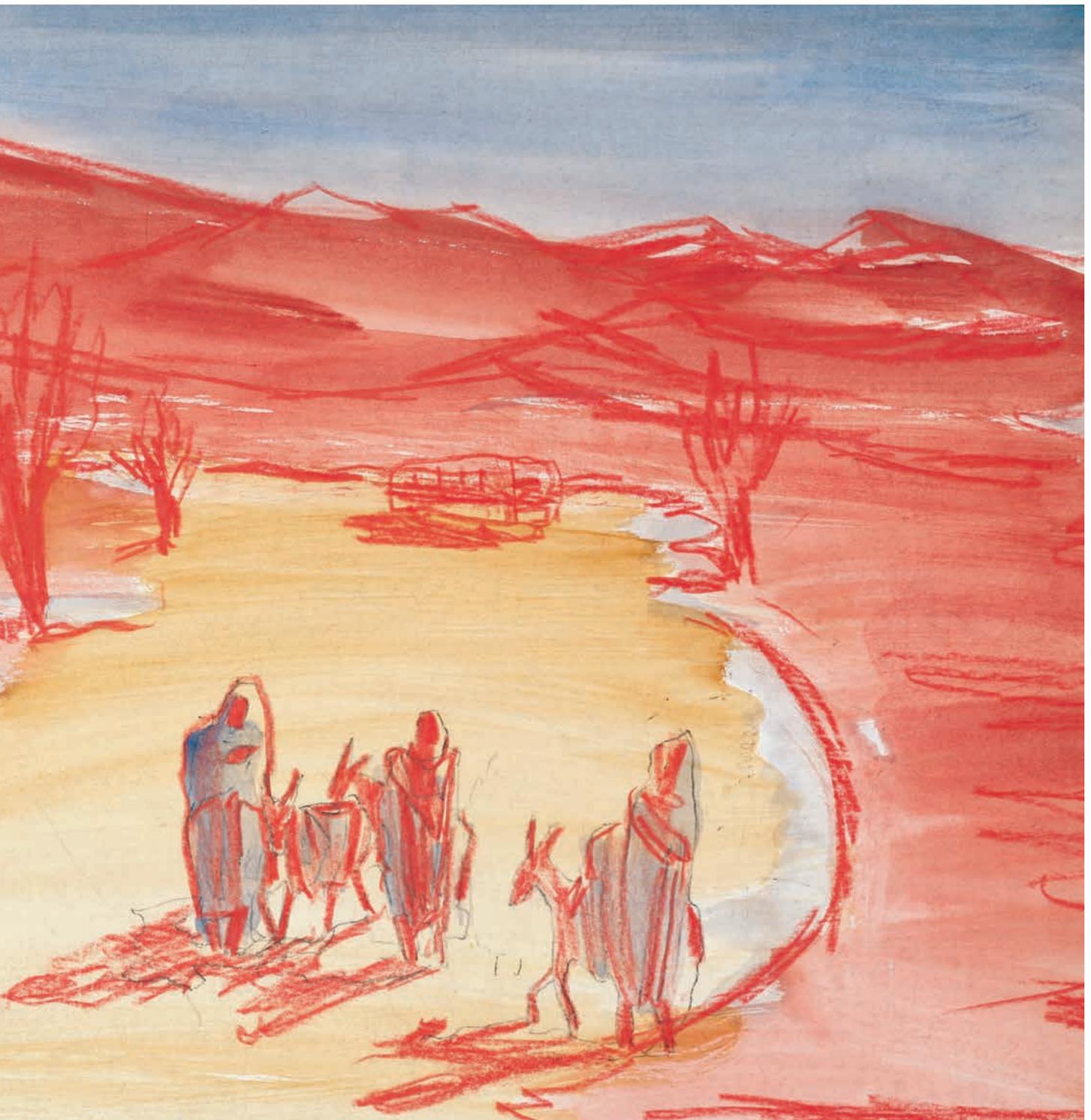
На одном из рисунков В.А. Ореховой, экспонированных на выставке, изображен интерьер ее мастерской. Здесь каждая деталь говорит о настрое на работу, о самодисциплине художника, продуманно организующего свое время и рабочее место. Возвращение к творчеству потребовало от художника самого бережного отношения к каждому трудовому дню, отпущенному жизнью для занятий любимым искусством. Эта строгость и требовательность к себе позволили В.А. Ореховой уже в зрелые годы обрести творческую форму, найти свой ракурс видения и выражения окружающей действительности.

Акварельные работы, посвященные Москве, в основном созданы Верой Андреевной в 60-х — 70-х годах. В них поражает острота художнического восприятия давно знакомых каждому москвичу мест. В листах «Улица Горького», «Столешников переулок», «Сивцев Вражек»,

ПО ДОРОГАМ АФРИКИ
35,5x54, смешанная
техника. 1968 г.

ПИОНЫ
38x30, автолитография. 1965 г.

«Шоссе Энтузиастов» образ города строится прежде всего на цветовой характеристике, выявляющей неповторимое своеобразие каждого уголка столицы в определенное время суток. Virtuозность красочной палитры В.А. Ореховой показывает вечерняя акварель «Малый театр», где темное небо контрастирует с лимонно-желтыми тонами, окутывающими старое здание. Состояние московского зимнего дня поэтично передается в работе «Кремлевская набережная».

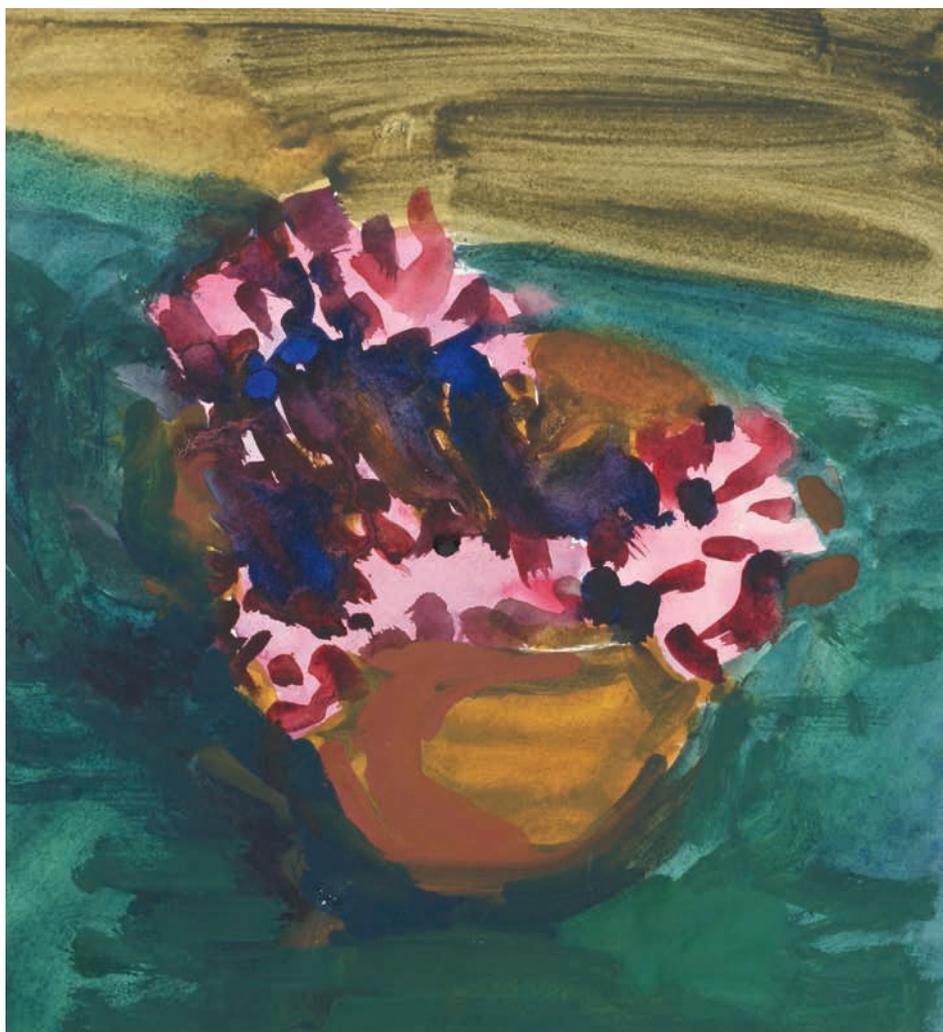
Знакомясь с акварелями художника, понимаешь, что уроки П.П. Кончаловского были усвоены ею прочно. Следуя завету мастера, она стремится работать цветовыми отношениями, воспринимая акварель как произведение живописи в противовес тем, кто причисляет ее к графическому искусству. Наряду с цветовыми ощущениями натуры в акварелях В.А. Ореховой подкупает непосредственность восприятия, словно впечатления от поразившего мотива мгновенно легли на лист бумаги. За внешней импрессионистической манерой письма скрыты точность глаза и уверенность руки. Кроме пейзажа в сферу творческих устремлений В.А. Ореховой входит натюрморт. В акварельных натюрмортах «Дыня», «Гранаты», «Серебряные рыбки», более строгих по композиционному строю и живописному решению, продолжают поиски образных цветовых характеристик теперь уже предмета. Через природу и предметы передает художник свое переживание и понимание мира. И этот мир наполнен светом, радостью, переливами красок. Автор как бы говорит зрителю, что творчество — это выстрадавшая радость.

Значительный период в творческой жизни В.А. Ореховой занимает работа в Комбинате графического искусства, куда она пришла в 1954 году. Здесь художник получила поддержку искусствоведа О.М. Бескина, кото-

ЖЕЛТЫЕ ХРИЗАНТЕМЫ
37x45, акварель. 1975 г.

ПРИМУЛА
20x18,5, акварель. 1976 г.

КРАСНАЯ РОЗА
23x21,5, акварель. 1985 г.

рый отобрал и поставил на художественный совет ряд ее акварелей. Акварели хорошо приняли, и Вера Андреевна начала работать в цехе уникальной графики, одновременно знакомясь с техникой литографии.

В.А. Орехова — признанный мастер натюрморта, исполненного в литографии. Ее листы отличают композиционная собранность и сочность декоративного пятна, свобода и верность рисующей линии, передающей контур предмета, и цветовая гармония. Литографии художника печатались большими тиражами и расходились по всей стране, автор удостоивался дипломов и премий Московской организации Союза художников РСФСР.

Различные техники изобразительного искусства для художника становятся своеобразными инструментами, способными выявить его чувства, настрой души и мысли. Многообразии техник характерно для творчества В.А. Ореховой. Обращаясь к ее пастелям, зритель может отметить иную, по сравнению с литографиями и акварелями, трактовку природы, где внимательное исследование взятого мотива окрашено лирическим чувством автора. Листы «Виноградники», «Дворик в Судаче», «Гурзуф» полны нежности и светоносности, в них проявляется очарование и изысканность сложной пастельной техники.

На выставке рядом с акварелями, литографиями, рисунками, пастелями экспонируются и акварельные портреты. Они также отражают путь творческого развития, опыты в различных жанрах и техниках, направленные на овладение пластической формой, чутко реагирующей на все изменения, происходящие в жизни и творчестве художника. Подобные изменения заключены и в работах В.А. Ореховой.

А.С. Пушкин писал: «Время изменяет человека как в физическом, так и в духовном отношении. Муж, со

КРАСНАЯ РОЗА
33,5x27,5, линогравюра. 1985 г.

вздохом или с улыбкою, отвергает мечты, волновавшие юношу. Моложавые мысли, как и молоджавое лицо, всегда имеют что-то странное и смешное. Глупец один не изменяется, ибо время не приносит ему развития, а опыты для него не существуют».

В пору умудренности опытом жизни и творчества Вера Андреевна Орехова неизменно испытывала радость восприятия бытия и красоты мира.

ПРАЗДНИК В «АРТЕКЕ»
38x49,5, цв. автолитография.
1967 г.

АЮ-ДАГ
23х35, акварель. 1970 г.

Леонид Яхнин,
писатель

ВЕРНИСАЖ

Центральный Дом литераторов, а попросту ЦДЛ, состоял всегда из двух частей, словно из двух миров. На первом этаже между фойе и уважаемым Дубовым залом ресторана теснился Пестрый зал с буфетом и роем столиков. Здесь толкалась разношерстная толпа известных и малоизвестных литераторов. Жизнь бурлила до поздней ночи. Пьяные перепалки вперемежку с чтением стихов и довольно фривольными по тем временам разговорами. В буфете давали водку в кофейных чашечках, а на стенах писались кем попало веселые и ёрнические экспромты вперемежку с рисунками и карикатурами. Нечто вроде: «Как-то в зале, ев тушенку, повстречал я Евтушенку».

А вторая часть ЦДЛ — официальная — на втором этаже. Там Актный зал. И ведет туда широкая чуть ли не мраморная лестница. На площадке после первого марша стояла тогда громадная, высеченная из цельного куска мрамора голова Ленина. Каждую весну во время генеральной уборки эту лысую голову старательно мыли с мылом несколько суетившихся с ведрами и тряпками уборщиц разом. По этой торжественной лестнице топа-

КЛАЙПЕДА
29x40, акварель. 1962 г.

КЛАЙПЕДА
29x42,5, акварель. 1962 г.

ДОМИКИ В ГУРЗУФЕ
21х26,5, пастель. 1978 г.

ли важные персоны, генералы от литературы. Мы, «нижние», заглядывали туда редко. Тем более что в фойе перед зрительным залом всегда были скучные «датские» выставки, связанные с юбилеями выдающихся по тем временам писателей. Многие из них, увы, забыты сегодня начисто. А тогда заваливали прилавки книжных магазинов своими многотомными собраниями сочинений.

И вот, представьте себе, именно с этим тусклым официозным второэтажным фойе у меня связано одно из самых приятных, светлых воспоминаний. Меня неожиданно попросили вести открытие выставки одной художницы. Я знал ее и дружил с ее дочерью. Было удивительно, что живую живопись вдруг разрешили развесить на стендах, предназначенных для «сурьезной» информации. А фойе поистине расцветилось и развеселилось от чудесных акварелей, совершенно «неидеологичных» натюрмортов и размашисто написанных букетов цветов. Рядом со мной стояла небольшая, тоненькая женщина, автор этих не по-женски крепких и по-женски нежных полотен и листов, а к нам один за другим подходили бородатые, как и положено, художники. Некоторые довольно красиво говорили, другие что-то невнятно бубнили, словно намекая: мол, я не оратор, мне вот кисть дайте в руки, тогда и поговорим. Но все с такой приязнью и дружеской лаской обращались к виновнице торжества, что было ясно — она любима и почитаема всеми.

А я, вовсе непричастный к этому братству, чувствовал себя в то же время центром торжества — все же в моем распоряжении был микрофон, да и происходило все на «моей» территории — в ЦДЛ.

Было это в 1986 году, и выставляла свои работы по случаю своего 80-летия Вера Андреевна Орехова.

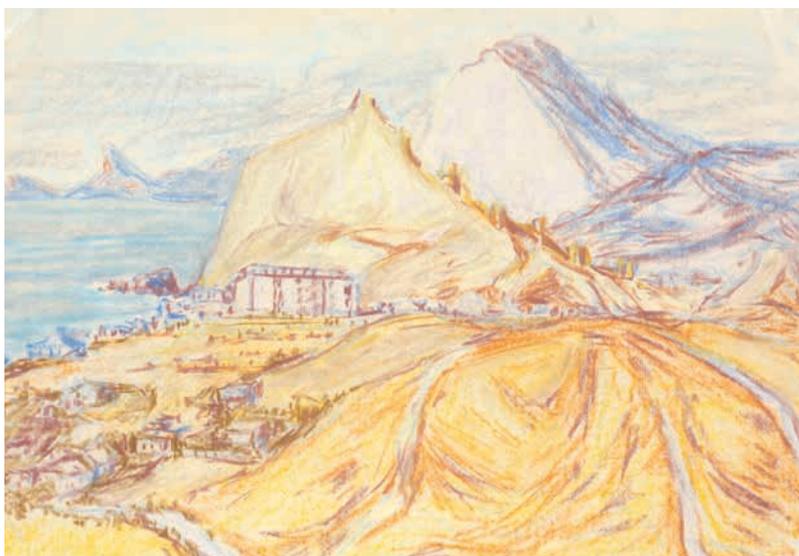

ВЕЧЕРНЕЕ МОРЕ
26x32, акварель. 1965 г.

КРЫМ. ТУТЛУК
25,5x34, акварель. 1957 г.

ПАНОРАМА КРЫМА
36x48, пастель. 1979 г.

ОСЕННИЕ ВИНОГРАДНИКИ
21x36,5, акварель. 1965 г.

В Центральном Доме литераторов сегодня открывается выставка

Вера Андреевна Орехова — член Московской организации Союза художников РСФСР с первого дня ее основания. И вот в преддверии восьмидесятилетнего юбилея старейшего мастера графики сто ее работ, созданных за последние 20 лет, украсили фойе дома творческой интеллигенции столицы.

Много сил и умения отдала художница оформлению декораций физкультурных парадов, массовых празднеств в столице. На выставке представлены серии акварельных работ и литографий, посвященных Москве, Архангельскому, Крыму, Ташкенту, зарубежным поездкам художницы. Привлекут внимание посетителей и натюрморты.

*«Вечерняя Москва»,
10 апреля 1986 г.*

МОСКВА. ДОМ, КОТОРЫЙ СНЕСЛИ
19x27, акварель. 1959 г.

М. Цодиков,

доктор химических наук,
профессор

Памяти Веры Андреевны Ореховой

Моя первая встреча с Верой Андреевной Ореховой состоялась в ее доме, куда мы пришли веселой компанией после выставки и приема ее дочери, Турецкой Марины Валерьяновны, в Союз художников. Мариночка — очень общительный человек, и в компаниях, которые собирались вокруг нее, она всегда интересовалась людьми других профессий, оказывая предпочтение людям из научной сферы. Вере Андреевне во время нашего знакомства было примерно столько лет, сколько мне сейчас. А тогда мне было около 32 лет, т.е. было это более 35 лет назад. Мне стало сразу же уютно после первых вежливых фраз, обычно произносимых при знакомстве. А когда Вера Андреевна предложила мне выпить чашечку кофе с сигаретой «ВТ», которые она предпочитала, мне уже казалось, что я давно знаю этот дом и пришел к добрым моим знакомым. Для меня стало желанным быть в гостях в этом доме, темы бесед были различны: о старой Москве, которую Вера Андреевна прекрасно знала и любила, суждения Веры Андреевны о тех или иных людях искусства, конкретных картинах, об искусстве вообще. Картины Веры Андреевны, особенно о Моск-

МАГАЗИН «РЫБА»
19x23, акварель. 1959 г.

ве, поражали своей изысканностью и сохранением души города, который так дорог для москвичей. Многих мест, запечатленных на картинах, уже нет, а другие прекрасны, поскольку были написаны, когда их еще не испортили монстры, построенные впоследствии. Было ощущение, что смотришь на город, в котором живы родители, гуляешь по улицам детства и юности. Мне особенно нравилась картина, на которой буквально горел в ночи магазин «Рыба» на улице Горького, напоминая о студенческих годах, когда перед весенней сессией мы выкапывали веселой гурьбой на эту улицу, а магазин казался нам предвестником неоновой эры, в которой нам предстояло жить. Я был очень горд, что угадал эту картину, которую предложили поместить в фонды Третьяковской галереи. С фондами что-то не заладилось. Вера Андреевна никогда напрямую не высказывала своих обид, ведь для нее уже был пропуск в вечность. Однажды она позвонила мне и просто сказала: «Марк, та картинка, которая вам нравится — ваша». Я был в смущении. С одной стороны, я понимал, что это очень дорогой подарок, с другой — как можно отказаться! Денег для хорошего ответного подарка тогда, как и у моих друзей, конечно, не было. Я побежал в магазин «Фарфор» и купил всего лишь какую-то чайную чашечку с блюдцем. А потом был счастлив: мне было сказано, что это персональная чашка Веры Андреевны, ее не трогать, она из нее пьет чай.

Картина с магазином «Рыба» и некоторые другие теперь светятся в моем доме, напоминая мне о «неповторимой» юности, в которой была Вера Андреевна.

ПЕЙЗАЖ
24х37, акварель. 1963 г.

ПАНОРАМА ГОРОДА
26x37, акварель. 1963 г.

СОЛНЕЧНЫЙ КРЫМ
41x37, акварель. 1958 г.

Ю. Злотников,
художник, член МОСХа

Масштабность видения

В. Орехова — колорист, видящий мир крупно, монументально. В ее работах присутствует как бы разворот пространства, изображенного в своей объективной значимости. Это особенно ощущается даже в фрагментарности натюрмортов, в которых предметы взяты мощно.

Наряду с тем, что я вижу некоторую художественную пластическую предвзятость в отдельных ее работах, в основе В. Орехова видит мир неожиданно и свежо. Она пишет то, на что мы как бы не обращаем внимания. В ее акварелях, посвященных Москве, мир и масштабен, и прозрачно лиричен. Она пишет дорогу, по которой едут машины. Она пишет будничность московской жизни. За этим прочитывается и сегодняшний день и история. Серия «Подмосковье» — драматична. Через контраст силуэтов деревьев идет напряженный разговор о жизни. Эта серия противоположна величавости крымских пейзажей, взятых в своей первозданной торжественности.

Для поколения В. Ореховой характерны великая гармония и любовь. Отсюда эпичность звучания ее работ.

Интересны ее портреты, в которых происходит та же линия эпического течения времени, большая простота и уважение к личности человека.

Есть у В. Ореховой и работы кристальной чистоты: небольшие по размеру натюрморты, пейзажи горных речушек. Во всех этих произведениях — прелесть незаметных полевых цветов.

ПУШКИНСКАЯ СКАЛА
21,5x31, акварель. 1965 г.

ДОМИК В ГОРАХ
24x31, акварель. 1965 г.

ДОМИКИ В КРЫМУ
35x42, пастель. 1955 г.

Ирина Князева,
переводчица

Вспоминая Веру Андреевну

Я познакомилась с Верой Андреевной, когда мне было едва за тридцать, а ей под девяносто. Такая огромная разница в возрасте могла бы помешать построению отношений с кем угодно, только не с ней. А дело в том, что она была человеком вне времени и умела каким-то загадочным образом понимать и чувствовать собеседника любого поколения и любой эпохи, не побоюсь этого слова, потому что она действительно пережила несколько эпох.

Приезжаю я, бывало, в гости, и мне навстречу выходит пожилая аристократка, одетая в современный костюм. На пальце у нее старинный перстень, а на шее стильный шарфик. Меня тут же приглашают за стол, особым образом сервированный. В наше суетное время мы порой не обращаем внимания на такие мелочи, как матерчатые салфетки, расположение приборов и все такое прочее, а в доме у Ореховой этому уделялось достаточное внимание. И вот начиналась беседа, в которой не важно — что, а важно — как. У Веры Андреевны было весьма тонкое чувство юмора. Оглядит, бывало, меня с ног до головы, одобрительно кивнет на предмет моего нового костюма, а потом таинственно удалится в комнату, и вот, наконец, вернется и величественно протянет мне старенький шарфик: «Ирочка, этот ваш шейный платок никуда не годится. Из-за него вся элегантность костюма насмарку. Вот, наденьте-ка это». Я, конечно же, не сопротивляюсь, надеваю. И тут же весь мой наряд заиграл по-новому. Художники...

БАРАБУЛЬКА
31x47, акварель. 1970 г.

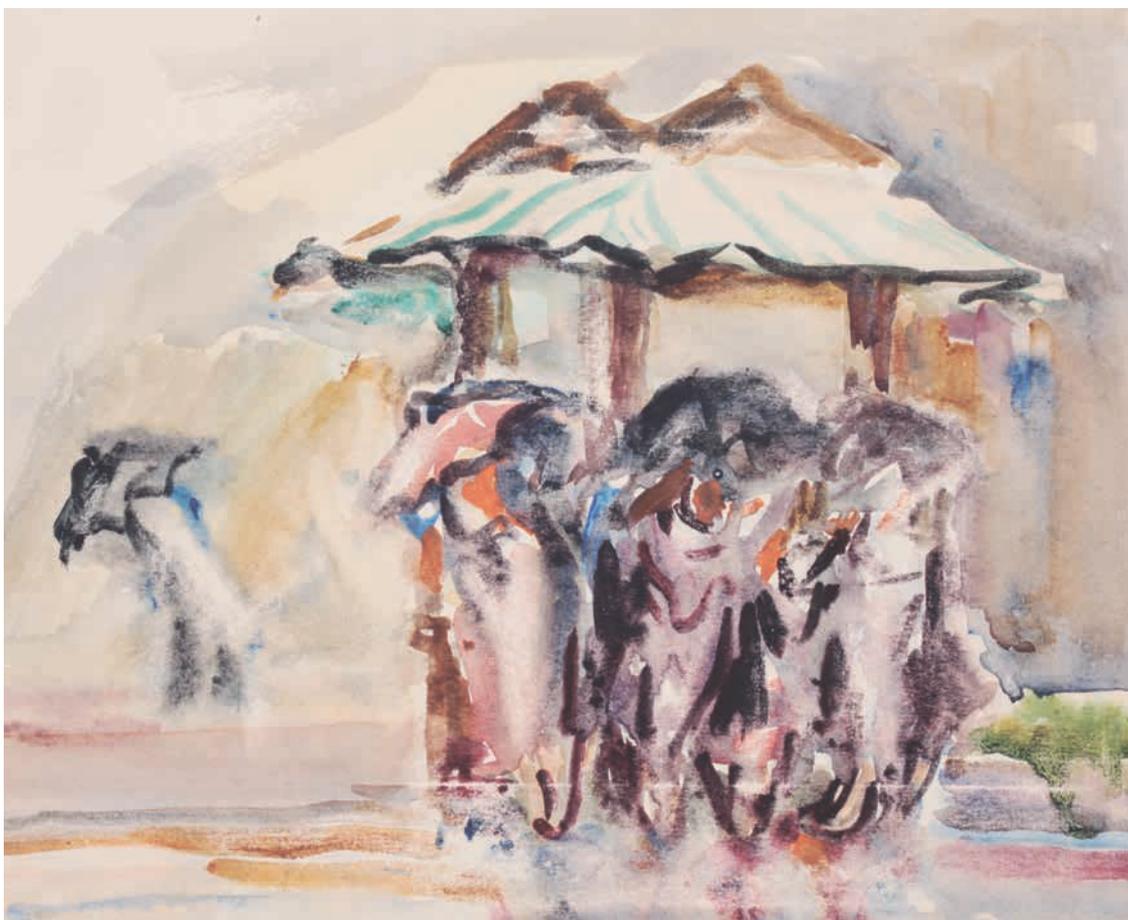
Как рождается натюрморт

В современной советской живописи и графике жанр натюрморта весьма популярен — сошлемся хотя бы на массовые тиражи эстампов Московского комбината графического искусства. Авторам лучших из них удалось передать в работах, казалось бы, чисто декоративного плана мажорное, светлое мироощущение нашего времени и выразить свое отношение к природе, человеку, жизни...

К числу этих мастеров принадлежит и Вера Андреевна Орехова. Художница старшего поколения, она много лет отдала работе в театре, оформительскому искусству, различным видам графики. В ее студии можно познакомиться с десятками натуральных набросков, выполненных на улицах Москвы, в лесах Подмосковья, в горах и долинах Крыма. Но наиболее ярко раскрывается дарование художницы в ее красочных натюрмортах.

Орехова — график. И как ни насыщены цветом ее акварели-этюды, главная трудность подстерегает художницу, когда сюжет приходится перелagать на язык литографии, позволяющей выпустить тираж. Рисунок переносят на специальные литографские камни — тяжелые отполированные блоки известняка. Все богатство рисунка, тончайшие градации цвета в акварели нужно с математической точностью разложить на несколько тонов; накладываясь один на другой, они при печати воссоздают сложную колористическую гамму. О том, как важно здесь «угадать» цвет и сохранить непосредствен-

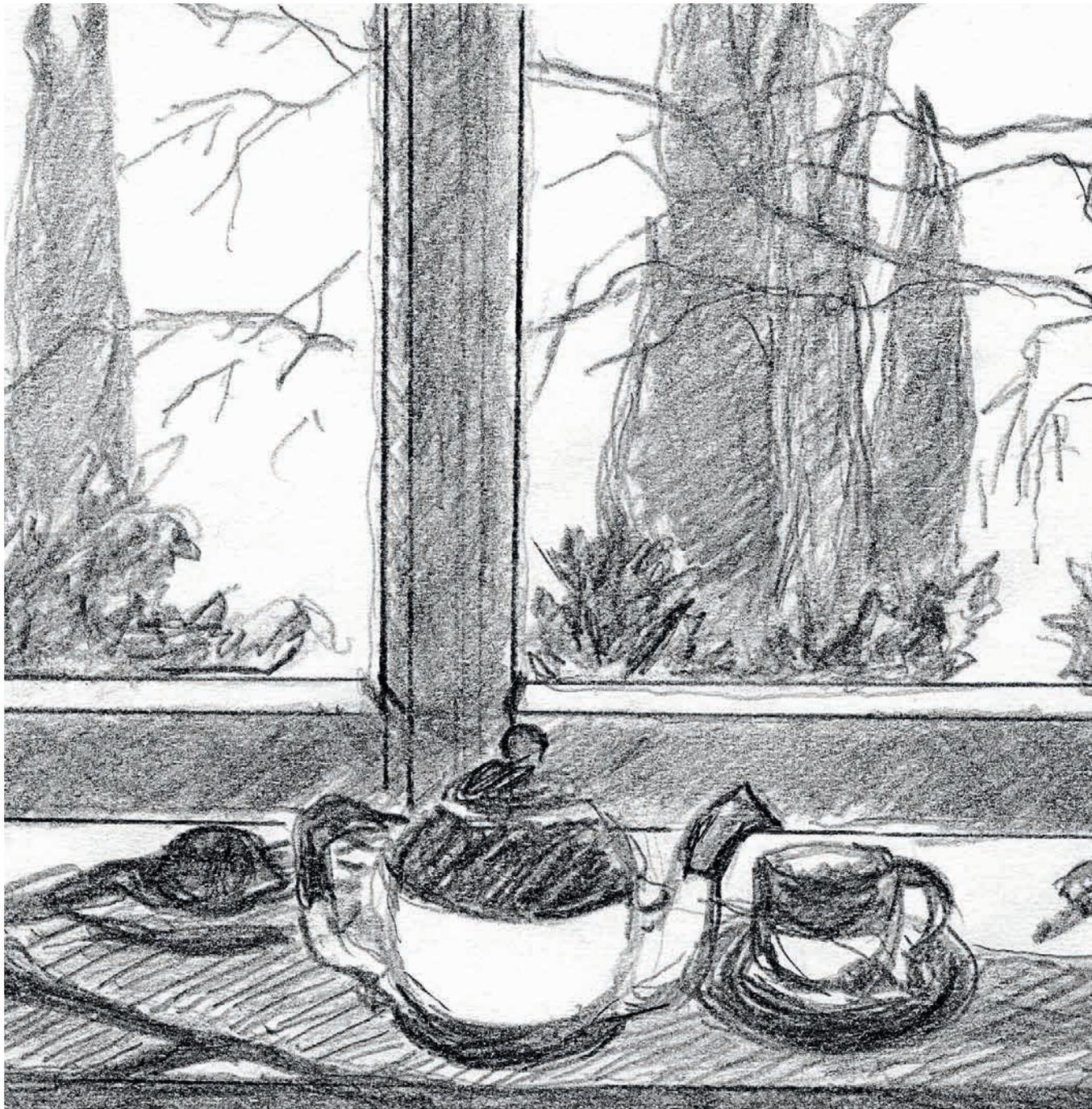

МОСКОВСКИЙ ДОЖДЬ
18x22,5, акварель. 1978 г.

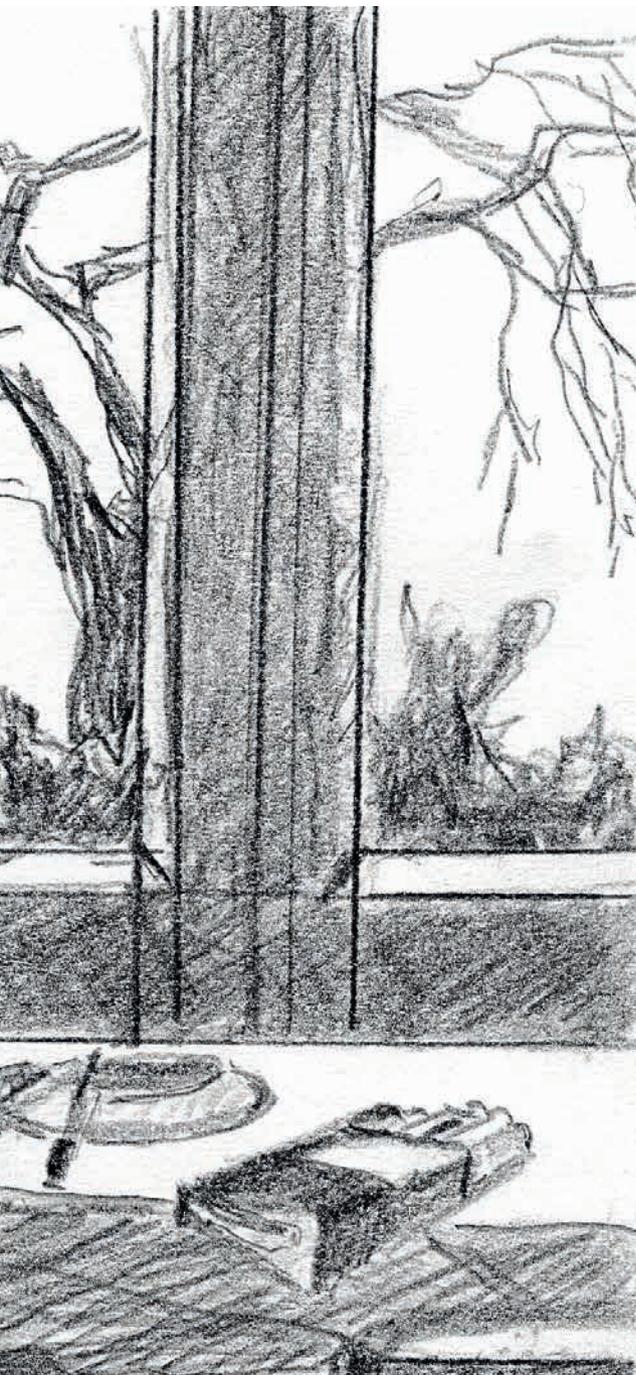
ность этюда, говорят многочисленные пробные оттиски... Художник и рабочий-печатник весь тираж выполняют вручную. Вот почему каждый лист-оттиск считается авторским оригиналом и подписывается как подлинник. Наконец ювелирная работа над каждым штрихом завершена. И на плоскости листа мы видим гладь льняной скатерти или пушистую пестроту пледа, упругую лепку плодов — яблок, айвы, лимонов, мерцание глазурованных и металлических блюд. Все передано весомо, материально, убедительно. В этих работах преобладают теплые, мягкие тона, они хорошо вписываются в интерьер жилой комнаты.

Сейчас Вера Андреевна работает над двумя новыми сюжетами — натюрмортом и пейзажем, изображающим въезд на Красную площадь от гостиницы «Россия». Оба эти листа будущей зимой будут тиражированы в мастерских Комбината графического искусства.

*«Вечерняя Москва»,
6 августа 1970 г.*

ОДИН ИЗ ПОСЛЕДНИХ РИСУНКОВ
В.А. Ореховой

Муржова

ХРОНОЛОГИЯ ЖИЗНИ
И ТВОРЧЕСТВА

Мария Васильевна
Орехова.
1905 г.

Андрей
Ксенофонтович
Орехов.
1905 г.

Маленькие Лена
и Вера Ореховы

Вера Орехова — школьница

1907, 19 июня — Вера Андреевна родилась в г. Одессе в семье служащего Андрея Ксенофонтовича Орехова и его жены Марии Васильевны, урожденной Панайоти. Вера Андреевна была второй дочерью.

1910 г. Семья переехала в Прибалтику.

1914 г. Из Прибалтики в Петроград. Здесь Вера Андреевна начала учиться в гимназии.

1918 г. Семья переехала в Москву, где все дети пошли учиться в школу на Знаменке.

1924 г. Техникум кустарной промышленности.

1925, лето — Студия художника Леблана.

Лена, Вера, Жорж.
1924–1925 гг.

5-я показательная школа
им. М.И. Калинина.
1918–1924 гг.

Будущая студентка.
1926 г.

1926 г. Вера Андреевна поступает во ВХУТЕМАС.

1928–1930 гг. Практика и стажерство в Художественном театре.

1930 г. Окончание ВХУТЕМАСа, начало работы в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького по оформлению праздников, парадов, карнавалов.

Две сестры
с отцом

ВХУТЕМАС—ВХУТЕИН. 1928 г.

Рождение дочери
Марины.
1934 г.

В армии
у В. Турецкого.
1931 г.

1931 г. Вышла замуж за художника-живописца Валерьяна Турецкого. Вступила в творческий союз ОМАХР.

1932 г. Вступила в Московский союз советских художников (МОССХ), в секцию декоративных искусств. Выставка «15 лет РККА» — проект «Ленуголка для частей РККА».

1934 г. Родилась дочь Марина Турецкая.

1937 г. Работала в штате Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1939–1941 гг. Летом в Крыму писала акварели.

1941 г. Великая Отечественная война. Уехала с дочерью и няней в эвакуацию в Ташкент. В Ташкенте работает в Театре оперы и балета им. Алишера Навои заведующей постановочной частью.

1942 г. В Ташкенте получила извещение о гибели мужа — Валерьян Турецкий погиб в боях под Вязьмой 13 Капреля 1942 г.

1943 г., ноябрь — Вера Андреевна с дочерью вернулась в Москву.

1946 г. Проект и подготовка юбилейной выставки Авиационного института.

В. Турецкий

Вера Андреевна, Марина и няня Фрося в 1934 г.,
фото внизу в 1938 г.

На сельскохозяйственной
выставке. 1938–1940 гг.

Гурзуф. 1947 г.

Творческая группа в Паланге.
1958 г.

Круиз
на теплоходе
«Эстония».
1964 г.

- 1947 г.** Оформление интерьера к открытию Дома творчества им. Константина Коровина в Гурзуфе (март — июнь). В июле начала работать в пионерском лагере «Артек»: заниматься рисунком с детьми и оформлять костюмы. Пробыли с дочерью в «Артеке» до декабря месяца. В декабре, вернувшись в Москву, Вера Андреевна вновь поступила в штат сельскохозяйственной выставки.
- 1948 г.** Награждена медалью «800 лет Москвы».
- 1953 г.** Летом поехала в Судак. Привезла много новых акварелей.
- 1954 г.** Начала работать в Комбинате графического искусства МОСХа. Рисовала акварели, параллельно изучая технику эстампа.
- 1958 г.** Перевелась в графическую секцию. Начала писать акварели Москвы.
- 1958 г.** Всесоюзная выставка эстампа. Натюрморт.
- 1962 г.** Юбилейная выставка МОСХа, натюрморт, 2 листа.
- 1964 г.** Выставка советского эстампа в ГДР, натюрморт.
Круиз на теплоходе «Эстония».

В Тунисе

и в Сенегале. 1964 г.

- 1967 г.** Вера Андреевна вышла на пенсию, но активно продолжала работать в Комбинате.
- 1968 г.** Выставки советского эстампа в Австрии, Кении, Монголии, Румынии, Уганде, Гамбурге, два натюрморта.
- 1972 г.** «Борющемся Вьетнаму» — выставка во Вьетнаме, натюрморт.
- 1973 г.** Персональная выставка эстампа в Комбинате графического искусства.
- 1975 г.** Выставка «Женщины-художницы Москвы — Всемирному конгрессу, посвященному Международному году женщин», акварель, эстамп.
- 1980 г.** Московская зональная выставка, серия натюрмортов, эстамп.
- 1982 г.** Юбилейная выставка МОСХа, эстамп «Артек».

В мастерской художника М.Г. Зозули. 1978 г.

Юбилейная выставка
в Центральном Доме
литераторов. 1986 г.

Выступает Лев Токмаков

1986 г. Персональная выставка в Доме литераторов
к 80-летнему юбилею.

1998 г. Медаль «850 лет Москвы».

2009 г. В Доме архитекторов выставка совместно
с В. Турецким и М. Турецкой.

Вера Андреевна
Орехова.
1986 г.
Фотография
А. Бобкова

На выставке А.А. Рублёвой и А.Е. Зеленского. 1980 г.

В.А. Орехова и дочь Марина. 2002 г.

В.А. Орехова на выставке дочери. 2003 г.

Вера Андреевна, 2002 г.

2003 г.

В.А. Орехова на выставке дочери — «последний выход в свет». 2004 г.

МАРИНА ТУРЕЦКАЯ

Орехова

ПУТЬ К СЕБЕ
книга о маме

Вера Андреевна Орехова — замечательный русский художник, автор тонких, лирических пейзажей и ярких натюрмортов.

Ее картины запечатлели московские улицы и крымские горы, отразив любовь художника к тем местам и временам, в которых ей посчастливилось жить.

Книга Марины Турецкой, посвященная В.А. Ореховой, дает читателю возможность прикоснуться к ощущению Места и Времени, характерному для творчества художника.

УДК 73.76
ББК 85.153

ISBN 978-5-91187-218-2

© Турецкая М.В., автор, 2014
© ООО «БОСЛЕН», издание на русском языке,
оформление, 2014

Марина ТУРЕЦКАЯ благодарит:

БОРИСА НИКОЛАЕВИЧА ТЕРЕБИЛЕНКО,
без которого эта книга не могла бы состояться,

Ю.Н. ЛУКИНА — за фотосъемку,

Н.А. ВЛАДИМИРСКОЮ, О.И. ИГНАТОВУ
за помощь в создании книги

Редактор А.Г. Николаевская
Технолог М.С. Кырбаш
Оператор компьютерной верстки
текста и переплета Л.Г. Иванова
Корректор Д.В. Савиных

Подписано в печать 26.06.2014
Тираж 1000 экз.
Заказ №

ООО «Бослен»
105082, Москва, ул. Бакунинская, д. 71, стр. 10
Тел.: (495) 971-89-09, e-mail: info@boslen.ru
Информация в Интернете: www.boslen.ru

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь,
www.pareto-print.ru

Дорогая Вера Андреевна!

Спасибо за доставленную радость.
Милая Старая Москва, ее Бульвары,
садовые аллеи, дома
Спасибо за Ваш талант.

Сотрудник архитектуры СССР.

Т. И. Волынец.

17. 4. 86г.

Дорогая Вера Андреевна!

Получила настоящее эстетическое наслаждение
от Ваших чудных произведений. Вместе с Вами
я бродила по Москве, любуясь ее неповторимыми
уголками... Спасибо Вам за встречу,
я навсегда запомню ее и сохраню
в сердце. Ваше юное сердце так
щедро, так прекрасно! Спасибо!.. Спасибо!..

14. 4. 86г.

Светлана

